

Тайна печатей

Анхель де Куатьэ

"Вавилонская блудница"

вторая печать

книга вторая

Великое противостояние Тьме продолжается!

Вторая Печать довлеет над Светом!

Говорят, что секрет счастья в свободе от желаний и привязанностей. Но как же, в таком случае, быть с любовью? Ведь именно она — сильнейшее из желаний и величайшая из всех привязанностей? Эту тайну хранит Вторая Печать, повествующая о сакральной сущности человеческого эгоизма. Новая книга Анхеля де Куатьэ поражает своей почти исповедальной откровенностью. Тьма, спасая тайну Второй Печати, завладела чувствами Избранника... Данила влюбился в женщину, отмеченную Тьмой. Под угрозой и его миссия, и все усилия Светлых. Судьба ведет Избранника страшной дорогой над бездной. Героям книги предстоит сотни искушений. А для гибели хватит и одного неверного шага... «Эгоизм — святая добродетель одинокой души, зияющая непроглядной тьмой Ада».

Бросая вызов Злу, будьте мужественны, ведь вы назначили Ему встречу.

«Она думает только о себе. Вокруг нее нет живых людей, только куклы. Она не понимает, что им тоже больно. Она не знает, что счастье — это не когда тебе не больно, а когда ты кого-то защищаешь от боли. Да, она эгоистка. Это так. Это Вторая Печать. Это второй великий грех человека, после желания властвовать и подавлять».

Оглавление:

[Предисловие](#)

[Пролог](#)

[Часть первая](#)

[Часть вторая](#)

[Часть третья](#)

[Эпилог](#)

«И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри.

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Откровение святого Иоанна Богослова,

6:3,4

Предисловие

События, описанные в этой книге, произошли почти месяц назад. Текст написан, и теперь я сижу над предисловием. Наверное, мне бы следовало рассказать о сути второй Печати. О том, что Тьма — это не только страстное, всепоглощающее стремление к власти, но и человеческий эгоизм. Упоенность собственным «я», внутренняя жестокость, глухая к чужой боли... Нужно рассказать об этом, но у меня не получается.

Перед глазами Данила — тот, месяц назад. Яркий солнечный день. Он сидит на проезжей части, на пересечении 13-й улицы и 2-й авеню Манхеттена. Башни нью-йоркских

небоскребов разрезают небо. Люди останавливаются по обе стороны улицы. Данила склонился над телом молодой красивой женщины и плачет. Машины аккуратно объезжают место трагедии. Он держит в руках ее голову и повторяет:

«Какая же ты... Господи, какая же ты...» Его голос теряется в городском шуме.

Пролог

Среди воплощенных душ есть те, что пришли в этот мир из Царства Света. Они рождены так же, как и другие смертные. Но их память странным образом хранит в себе ощущение божественной красоты. Они не помнят деталей, подробностей, они не могут описать Тот мир. Но их души излучают Свет и дарят его другим людям.

Я не думаю, что Ад на самом деле существует. Но иногда мне все-таки кажется, что есть и такие души, которым до их земного воплощения довелось побывать во Тьме. Они словно прокляты. Будто бессмертный Каин — изгнанник и скиталец, они вечно гонимы по этой земле подсознательной памятью о каком-то прежнем своем преступлении.

Я не думаю, что Ад на самом деле существует. Но иногда мне все-таки кажется, что есть и такие души, которым до их земного воплощения довелось побывать во Тьме. Они словно прокляты. Будто бессмертный Каин — изгнанник и скиталец, они вечно гонимы по этой земле подсознательной памятью о каком-то прежнем своем преступлении.

2 июня 1740 года одна такая душа нашла себя в мальчике по имени Донасьен-Альфонс-Франсуа. Он родился в одной из богатейших семей дореволюционной Франции и был единственным наследником графского титула своего отца. Впрочем, в историю Донасьен-Альфонс-Франсуа вошел маркизом. Маркизом де Садам.

Маркиз де Сад известен как извращенец и как писатель. Его чудовищные произведения буквально нафаршированы тошнотворными сценами насилия, жестокости и мириадами преступлений. Двести лет они находились под строжайшим запретом. И только теперь вернулись из небытия. Но не как литература, а как феномен...

Что же такое — феномен маркиза де Сада? Маркиз де Сад представляется нам почти демоническим существом, героем преисподней, оракулом дикой, необузданной, животной страсти. Он всю жизнь проповедовал две вещи — разврат и насилие. Де Сад утверждал, что его невозможно подчинить чужой воле, что он сам — истинный носитель власти.

Рассказывают, что однажды, когда де Сада в очередной раз заключали под стражу, кто-то из служителей закона едко заметил: «Вот и кончилась ваша „неограниченная власть, господин маркиз!«. Сад рассмеялся. «Ничуть не бывало! — ответил он. — Это же я заставил вас посадить меня в тюрьму! Я вас заставил! Я!»

«Желание», «мое желание» вот что такое жизнь Сада. Морис Бланшо говорит, что свобода для Сада — это «возможность подчинить каждого своим желаниям». «Кто допускает ценность другой личности, — объясняет философия де Сада Жорж Батай, — непременно себя ограничивает». Но именно ограничения Сад не мог и не хотел принять.

Унизить другого, растоптать его, лишит последних признаков человечности — вот что было для Сада величайшим из удовольствий, делом чести, единственной и болезненной страстью. Он сделал зло — поэтичным, извращение — утонченно красивым, патологию — царственным, довлеющим абсолютом. Правда есть одно «но»...

Все эти «злодеяния» — лишь плод воспаленного воображения Сада, игра его фантазии, старания изысканного, извращенного, патологического ума. Это сумасшествие человека, всю жизнь бредившего театром, уличным представлением, балаганом. Его книги — пьесы. Он сам — гениальный актер, самозабвенно разыгрывающий свою роль.

В действительности, на счету у Сада лишь несколько отшлепанных метлою служанок. Да пресловутые «анисовые конфеты», которые вызывали у проституток вспучивание живота. И кстати, за все это «великолепие» Сад заплатил двумя смертными приговорами, двадцатью семью годами заключения, лечебницами и смертью в богадельне.

Этот теоретик власти, эпатирующий своей аморальностью, всю жизнь был лишь марионеткой в руках госпожи де Монтрей, своей тещи. Благородная дама сначала по неосторожности выдала замуж за маркиза свою дочь. А потом всю жизнь подкупала пенитенциарную систему Франции — только бы ее зять вечно оставался за решеткой.

По иронии судьбы, именно в тюремной камере Сад и придавался своему разврату... С героями «120 дней Содома», «Жюстиной», «Жульеттой» — героями своих повестей и романов.

Сад — мелок и жалок. «Я даже готова допустить, что он был трусом», — сказала о нем Симона де Бовуар. Апостол жестокости и пророк разврата жил в придуманном мире, в мире-театре, в компании тряпичных кукол. Словно маленький мальчик, он играл с ними в «странные игры». Но ведь куклам не больно. И в этом смысле Сад даже невинен.

Это особенная болезнь. Болезнь сердца. Ее симптом — бесчувственность. Когда ты не понимаешь, что вокруг тебя живые люди, что им может быть больно, что у них есть душа, что они — ценность, И если ты видишь только себя, только свое «я», если тебя заботит только собственное желание и личные цели — ты такой. Ты — Сад.

Вавилонская Блудница и Святая Добродетель — вот две музы, бесконечно вдохновлявшие Сада. Его непресыщаемый эгоизм — это «вавилонская блудница». Его слепота и бесчувственность — «святая добродетель». И ведь это неслучайно. Это две стороны одной медали: ты не видишь никого вокруг, и поэтому считаешь себя прекрасным.

Де Сад восхищался собой, боготворил свой талант, свою философию. Он считал себя добродетельным, «героем-мучеником героической трагедии». И часто он внушал эти мысли окружающим. Да, ему удавалось влиять на слабых. Влиять на тех, кто не находил в себе сил противостоять его особенному, странному, загадочному, темному обаянию.

Составляя подробные указания к своим будущим похоронам, Сад пожелал, чтобы его могила со временем затерялась. «Ибо я тешу себя надеждой, — писал он, — что люди забудут обо мне, и меня будут вспоминать только те немногие, кто любил меня до самой последней минуты; нежные воспоминания о них я унесу с собой в могилу».

Кажется, он хочет выдавить из нас слезу сострадания...

Его не забыли, но могилу все-таки потеряли. Точнее — раскопали и превратили скелет маркиза де Сада в отменный анатомический препарат.

Специалисты первой половины XIX века, исследовавшие череп де Сада, пришли к выводу, что его обладатель отличался добротой и религиозным рвением. «Во всех отношениях он напоминал череп одного из святых отцов церкви».

Дальнейшая судьба этого черепа неизвестна. Поговаривают, что он якобы пересек океан и оказался где-то в Америке.

Душа маркиза покинула тело накануне 1815 года, 3 декабря. Нина говорила, что, по ее вере, в следующей жизни душа, бывшая до этого в мужском теле, воплощается в женщине...

Часть первая

Раймонд не находил себе места. Еще ни одна женщина не производила на него столь сильного скорее или, столь ошеломляющего впечатления. Может быть, только Клорис? Но Клорис — это другое. Клорис — она его учитель, она — Мастер, гений. А в Нине Раймонд нашел друга. Понимающего, чуткого, увлеченного...

Они познакомились абсолютно случайно, в книжном магазине на 5-й авеню. Она стояла у кассы. Даже не стояла, она двигалась. Она постоянно движется, словно переливается. Изящная, как пантера. В изысканном винтажном костюме — вязаная облегающая блуза, тонкие, почти воздушные брюки в полоску и джинсовая сумка через плечо.

Это особенная болезнь. Болезнь сердца. Ее симптом — бесчувственность. Когда ты не понимаешь, что вокруг тебя живые люди, что им может быть больно, что у них есть душа, что они — ценность. И если ты видишь только себя, только свое «я», если тебя заботит только собственное желание и личные цели — ты такой. Ты — Сад.

Идеальная фигура. Длинные, убранные назад вьющиеся волосы — темные, с тонким мелированием. Очень красивое лицо правильной формы. Огромные миндалевидные глаза, почти черные. Изогнутые брови. Вскинутые ресницы. Чувственные губы, слегка полный нос, ровные скулы. Завораживающая, словно нарисованная красота.

Она держала в руках новое издание Мисимы. Пьеса «Маркиз де Сад» — на глянцевой бумаге с иллюстрациями. И это было как знак, как тайный пароль. Все великое и значительное случается внезапно. Проведение приходит ниоткуда. Обрушивается на тебя, словно снежная лавина. Место и время предугадать невозможно. Просто нужно быть готовым...

— Хорошее издание, — сказал тогда Раймонд, взглядом указав на книгу.

— Вы читаете Мисиму? — Нина повернулась к нему вполоборота и оправила волосы.

Она говорила с небольшим, едва уловимым акцентом — усиливая и слегка протягивая гласные. Это придавало ее голосу

особый шарм.

— Мы ставим эту пьесу... — ответил Раймонд и покраснелся.

Уже на протяжении года он участвует в постановке «Маркиза де Сада». Впрочем, это не совсем постановка. Скорее — эксперимент, театральный опыт. Клорис организовала в художественной мастерской своего покойного мужа студию для молодых актеров. И там они, действительно, живут этой пьесой. Проживают ее снова и снова...

Клорис считает, что публичные выступления портят актера. Поэтому случайных людей у нее не бывает, только члены студии. «Театр — это мистерия, — говорит Клорис. — Сакральный ритуал перевоплощения. Левитация души. Спиритический акт. Воскрешение прообраза». А публика... Публика не нужна. Она превращает театр в пошлый балаган.

— Ставите? — глаза Нины блеснули удивительным ярким светом. — Вы режиссер?

— Нет, я актер, — у Раймонда перехватило дыхание.

— Актер? — Нина чуть повела головой, словно сверяясь с тем, что услышала. — Но...

— Да, там нет мужских ролей, — поторопился Раймонд, опередил ее вопрос и бессмысленно уставился на книгу Мисимы. — У нас мужчины играют все женские роли.

— Не может быть! — воскликнула Нина и подалась назад, отпрянула. — Мужчины исполняют в «Саде» Мисимы женские роли?! Я не ослышалась? Это правда?!

Все великое и значительное случается внезапно. Проведение приходит ниоткуда. Обрушивается на тебя, словно снежная лавина. Место и время предугадать невозможно. Просто нужно быть готовым...

Раймонд растерялся. Тогда он не придавал этому значения. Но потом то же самое повторялось десятки, сотни раз: он не знал, как реагировать на ее слова. Нина выглядела так, словно была очарована, восхищена этой новостью. Но ее вопросы, тон ее голоса, интонации — все говорило об обратном. Будто она не верит, сомневается, даже сердится.

— Это такое режиссерское решение. Автор пьесы — мужчина. Его женские роли рождены мужским умом. И поэтому играть их должны тоже мужчины, — объяснял Раймонд, пытаясь понять, что именно он делает — оправдывается, успокаивает или просто хочет показаться хорошим.

— Прямо как в моей книге! — сказала Нина все тем же тоном и облокотилась на прилавок.

— В вашей книге? — не понял Раймонд.

— Да, я пишу книгу, — Нина словно пропускала через себя информацию. — Я писатель. Я пишу книгу о творческой группе, которая репетирует именно эту пьесу — «Маркиза де Сада» Юкио Мисимы.

— Какое странное совпадение, — удивился Раймонд.

— Вы верите в совпадения? — Нина повела бровью.

— Я...

Продавец прервал их разговор. Нина стала расплачиваться. Попутно она обменялась с работниками магазина любезностями. Те искренне предложили ей заходить к ним почаще. Нина пообещала, что обязательно воспользуется этим предложением.

Потом она лишь взглянула на Раймонда, улыбнулась и попрощалась.

Раймонд стоял у кассы и смотрел ей вслед. Он смотрел, как из его жизни уходит ангел. Сказочная фея. Она заглянула к нему всего лишь на одно мгновение. Просто что бы подарить свою улыбку. Дать частицу своей энергии. Поделиться светом. И ушла.

— Пойдите! — Раймонд нагнал Нину уже на улице. — Простите. Простите меня за навязчивость. Может быть, я не должен... Мне, право, неловко. В общем, я не знаю... Могу ли я... Но...

Он стоял и блеял, нервно тряс руками, смотрел куда-то по сторонам. А она — открытая и свободная — улыбалась, глядя ему прямо в лицо.

— Нет-нет, пожалуйста... — сказала Нина, укутывая Раймонда своим взглядом. — Вы что-то хотели мне сказать? Мы так нелепо расстались. Мне показалось, что я вам наскучила.

— Вы?! Мне?! Нет, что вы! — Раймонд растерялся, он никак не ожидал этого.

— Знаете, это странно, когда два человека встречаются в книжном магазине и начинают говорить об искусстве, — Нина, погружала Раймонда все в большее замешательство. — Вероятно, это не совсем удобно. Мало ли, что я пишу книгу... Почему это должно быть вам интересно?

Говорят, есть только один верный признак любви: если кто-то над тобой смеется, а тебя радует его смех, ты счастлив. Это значит, что твое «я» уже ни на что не претендует. Ты растворился, тебя больше нет. Ты стал любовью...

— Да, странно. Конечно, — соглашался с ней Раймонд. — Да, но я... Я хотел... Я подумал... Вдруг...

Он совершенно покраснел. И Нина вдруг рассмеялась — весело, легко, добродушно. Он и вправду выглядел круглым идиотом. Он ее позабыл. Ему было приятно.

Говорят, есть только один верный признак любви; если кто-то над тобой смеется, а тебя радует его смех. Это значит, что твое «я» уже ни на что не претендует. Ты растворился, тебя больше нет. Ты стал любовью...

Раймонд влюбился?.. Не может быть! Еще пару лет назад он решил для себя, что с этим покончено. Он больше даже не будет пробовать. Женщина не может любить по-настоящему. Любовь — это подвиг, это служение. А для женщины любовь — или игра, или развлечение, или формальность. Всего три варианта — «я без ума от этого парня», «мне прикольно с этим парнем»,

«этот парень меня устраивает». Во всех трех случаях — голый расчет.

— Меня зовут Нина, — сказала она через секунду.

Она улыбалась, как ангел.

— А я — Раймонд.

— Какое интересное имя! — покачала головой Нина.

— Да... ничего особенного, — растерялся Раймонд, пытаясь понять, что она имеет в виду.

— Ну, и что вы хотели мне сказать? — Нина посмотрела куда-то в сторону.

— Я подумал, может быть, вы... Может быть, вам будет интересно посмотреть на нашу постановку? — Раймонд стал белым, как полотно.

Привести незнакомку на занятие студии... Смелое решение. Клорис очень рассердится. Но что еще он может предложить Нине?.. Она пишет о творческой группе, которая ставит «Маркиза де Сада». Он покажет ей эту группу...

— Правда?! — обрадовалась Нина. — Вы думаете, это возможно?..

Нина поняла его... Поняла! Она почувствовала, что ему трудно далось это решение. Она словно прочитала его мысли! Увидела, что творится в его душе! Женщины никогда не

понимают мужчин. Никогда. Они всему подыскивают свои объяснения, думают так, как им выгодно и как им хочется думать.

Если женщине невыгодно, она даже не попытается войти в твое положение. Кредо женщины — не понимать, а производить впечатление. Но Нина поняла! Сама! Раймонд даже не просил ее об этом. Нет, он хочет это сделать. Он хочет показать ей спектакль студии. Он обязательно это сделает. Он сделает это для нее!

— Да, конечно! Я буду очень рад! — залепетал Раймонд.

— Но это, наверное, нескоро. А я собираюсь уехать из Нью-Йорка...

— Уехать? — забеспокоился Раймонд. — Но вы ведь вернетесь?

— Нет, я не хочу возвращаться в Нью-Йорк, — Нина посмотрела вверх, на небоскребы. — Я поняла, это мертвый город. Я должна вернуться обратно.

— Так вы не из Нью-Йорка?

Парадоксальное подкрепление — это когда ты сначала обнадеживаешь человека, а потом лишаешь его надежды. И туг же — снова надежда, снова разочарование. И так далее. Таким образом человека можно привязать к себе. Формула: счастье — смерть — счастье — смерть.

— Нет, конечно! — рассмеялась Нина.

— Я из Англии. Старой, доброй Англии...

— Да... — мечтательно протянул Раймонд.

— Как это, наверное, прекрасно — жить в Англии... Но я, я бы очень хотел, чтобы у вас остались хорошие воспоминания о Нью-Йорке. Это хороший город! Правда!

— Мне бы тоже этого хотелось, — улыбнулась прекрасная Нина. — Я люблю, когда все заканчивается красиво. Когда все красиво. Разговор продолжался и продолжался. Они провели вместе трое суток. И вдруг расстались на целых два дня! А у Раймонда даже нет ее телефона. Он не знает, где она живет. Ни одного адреса — ни нью-йоркского, ни британского. Раймонд не знает, что и думать. Может быть, он что-то сделал не так? Как-то обидел? Нет, вряд ли. Раймонд судорожно прокручивает в голове события прошедших пяти дней...

— **Вот** манипулянтка! Не манипулянтка даже, а произведение искусства! — Андрей хлопнул ладонью по столу и развернулся в крутящемся кресле. — Пойду, кофе попью. Ерунда какая-то... Кто со мной?

Данила как-то странно посмотрел на Андрея.

Мы уже вторую неделю сидим у Гаптена и пытаемся угадать, где Тьма предпримет очередную попытку Своего воплощения. Информация стекается в центр Гаптена со всего мира. Обработывается и преобразуется с помощью специальных математических моделей.

Энергетическое поле планеты подвижно и неоднородно. Темные и светлые энергии, подобно зонам повышенного и пониженного атмосферного давления, покрывают всю поверхность Земли. Они взаимодействуют друг с другом, образуя сложные конфигурации силы. Дополнительные расчеты помогают найти людей, чьи астральные тела могут быть использованы Тьмой для воплощения. Сейчас мы ищем человека, который может стать вторым Всадником Тьмы и активизировать еще одну Печать, о которой говорится в Апокалипсисе.

Кто этот человек? Неизвестно. Претендентов много... Мы просматриваем информационную матрицу, которая соединяет в себе материальный и астральный миры. Она выводится на специальные экраны в виде изображений, слов и, в ряде случаев, даже мыслей.

Варианты, варианты, варианты... У меня складывается впечатление, что мы ловим кошку в темной комнате. Тьма то сгущается в какой-то части астрального поля, то вдруг активизируется в другом месте. Мы словно играем с Ней в жмурки. Меня это пугает.

Темные пытаются сбить нас с толку. Я обсуждал это с Гаптенем. Оказалось, что и все Посвященные, стоящие на стороне Света, думают так же. Возможно, Темные пытаются таким образом выманить нас из бункера. Возможно — просто дезориентировать.

Андрей спокоен. Это для него как еще один научный эксперимент: сырые данные, математические модели, закономерности, гипотезы, их проверка, подтверждение или

опровержение. Я думаю, так он защищается от мысли, что все это происходит на самом деле.

Данила все это время был собран и внимателен. Буквально сутками просиживал в демонстрационном зале. Но за последние несколько дней изменился. Погрустнел и осунулся. Сначала я думал, что он просто устал. Но теперь мне вдруг показалось, что причина в другом...

— Почему — «манипулянтка»? — спросил Данила сдавленным голосом.

— Почему манипулянтка? — удивился Андрей. — Ну, просто. Манипулянтка, и все.

— По-че-му... — процедил Данила сквозь зубы.

— Ну... — задумался Андрей. — Во-первых, она дает этому Раймонду парадоксальные подкрепления. Во-вторых, создает активный психологический вакуум.

— Что это значит? — спросил я.

— Парадоксальное подкрепление — это когда ты сначала обнадеживаешь человека, а потом лишаешь его надежды. И тут же — новая надежда, снова разочарование. И так далее. Таким образом человека можно привязать к себе. Девушка мило знакомится, кажется даже, что увлекается человеком, а потом вдруг резко бросает его, удаляется. И тут же радуется его появлению. В голове несчастного возникает шишбка. Он не понимает, что происходит. Он пытается добиться определенности и начинает проявлять дополнительную активность. И еще больше увязает в этих отношениях. Формула: счастье — смерть — счастье — смерть.

— Это «психологический вакуум»? — уточнил Гаптен.

— Почти, — улыбнулся Андрей. — Любая неопределенность — это психологический вакуум. Но здесь он строго рассчитан. Она заставила Раймонда проявить активность, следовательно, теперь на нем формально и лежит весь груз ответственности за эту активность. Но ведь это же она заставила Раймонда пригласить себя на спектакль! Или что у них там? Постановка? Пьеса?.. И как вам это нравится: «Правда, вы меня пригласите? Ой-ой! Какое счастье!». И тут же — «Но я скоро уеду... Извините, до свиданья».

Андрей очень забавно изобразил Нину, и мы с Гаптенем рассмеялись. А Данила вдруг вскочил с места и стремительно вышел в коридор. Дверь с силой захлопнулась. Мы трое переглянулись.

— Я что-то не так сказал? — Андрей нахмурил брови.

И я, и Гаптен, не сговариваясь, недоуменно пожали плечами.

— Вы ничего не замечаете последние два дня? — Андрей задумчиво посмотрел на дверь.

— Я замечаю... — признался я.

— И я... — добавил Гаптен.

Андрей молча уставился на мерцающий экран, где только что мы видели Раймонда и Нину.

— Не нравится мне все это... — он помотал головой. — Гаптен, возьми эту даму на контроль.

— Я уже подумал, — согласился Гаптен. — Остальные варианты тоже будем смотреть. Но этот — особенно.

Раймонда потрясло, что Нина умеет слышать.

Большинство людей не умеют этого. Ты рассказываешь им что-то, а они думают о своем — как им среагировать на твои слова, что сказать в ответ. Ты говоришь им, а они слышат себя — интерпретируют, переинтерпретируют, составляют мнение, оценивают, критикуют, сомневаются. Все ради собственной выгоды. Ты открываешь им душу, а они...

— Я когда увидела тебя, — Нина встала, словно ветер пронеслась по его комнате и остановилась прямо напротив Раймонда — страстная, сосредоточенная. — Там, в книжном магазине. Я поняла, что ты страдаешь.

— Страдаю?.. — Раймонду вдруг показалось, что сейчас он расплачется.

— Ты не любишь себя, — Нина, казалось, смотрела ему прямо в душу.

Раймонд вздрогнул и прошептал:

— Не люблю себя?..

— Да. Раймонд, твоя жизнь — бесконечная борьба. Ты все время что-то кому-то доказываешь. Подсознательно. Все, что ты делаешь, ты делаешь, чтобы тебя оценили, похвалили, одобрили, сказали, что ты хороший. Я не для себя! Ты зависишь от чужой оценки. Раймонд, ты стесняешься себя! Тебе за себя неловко. Ты ведешь себя так, словно не достоин любви! Ты блокируешь свою энергию. Так ты не сможешь создать ничего великого!

— Я не достоин любви? — задумался Раймонд.

— Да. Иначе ты любил бы себя сам. Все отношения между людьми — это секс. Только секс. Все стоит на сексе. Секс — это то, что покупается и продается. Посмотри на обложки глянцевого журнала! Посмотри на суперзвезд. Все на сексе — кино, телевидение, реклама! Популярная книга, модные показы! Секс — это то, что всегда в цене. Таково общество. Оно живет сексом. Все люди — или садисты, или мазохисты. В основном — мазохисты. Один секс! А любовь... Любви нет.

— Ты правда так думаешь? — прошептал Раймонд.

— Секс — это низший уровень. Это самая примитивная энергия. Люди тратят себя на секс. Расплескивают свою энергию и становятся слабыми. Раймонд, ты должен любить себя! Ты должен наслаждаться собой, восхищаться! Нельзя зависеть от чужой оценки и чужого мнения! Свою энергию нужно четко направлять. Когда я смотрюсь в зеркало, когда я вижу эту красоту, я понимаю: я — центр Вселенной! И я всегда так чувствовала, с самого детства!

Раймонд слушал ее, замороженный. Нина говорила просто и проникновенно. Она говорила, как есть. Любовь и секс — это не одно и то же. А Раймонд действительно стесняется себя. Все время боится сделать что-то не так, хочет показаться лучше, чем он есть на самом деле. И все это, конечно, признаки его нелюбви к себе. А если он себя не любит, как он может использовать свою энергию?!

— Раймонд, в тебе огромный потенциал! — Нина буквально светилась. — Это видно! Но великий актер — это не просто талантливый человек. Это человек, который смог влюбиться в самого себя! Заболеть собой! Только так можно стать сгустком энергии! Это приковывает взгляды. Влюбленный в себя человек так прекрасен, что люди просто не могут оторвать от него глаз. Он завораживает, пленяет. Любовь не раздает энергию, любовь — это энергия. Ее можно только накапливать!

Большинство людей не умеют слышать. Ты рассказываешь им что-то, а они думают о своем — как им среагировать на твои слова, что сказать в ответ. Ты говоришь им, а они слышат себя — интерпретируют, переинтерпретируют, составляют мнение, оценивают, критикуют, сомневаются. Все ради собственной выгоды. Ты открываешь им душу, а они...

И в эту секунду Раймонд внезапно понял причину всех своих прежних актерских неудач. Нина проникла в самую суть. Его всегда подводил страх. Выходя на сцену, он думал: какова будет реакция публики? примет ли она его? справится ли он с ролью? И из-за этого страха он не мог играть в полную силу. Не мог прочувствовать роль. Но если бы он любил себя, восхищался собой... Все было бы по-другому.

— По моей вере... — Нина запустила прекрасные, длинные пальцы в распавшиеся пряди, собрала волосы на затылке и повела плечами. — Любовь к себе...

Раймонд воспитывался в консервативной протестантской семье. Словосочетание «по моей вере»... Он едва повел бровью. Нина тут же заметила его удивление. И Раймонду почудилось, что на какой-то миг ее сияющие глаза вдруг стали стеклянными.

— Я говорю «моя вера», — Нина ласково улыбнулась. — Но это не совсем «вера». Не религия, а ощущение мира. Все вокруг нас — иллюзия. Этого в действительности не существует, оно не настоящее. Если ты достигаешь высшего состояния сознания, ты начинаешь воспринимать мир особым образом. Ты видишь не предметы, не людей, а код, своеобразную ДНК

Мира.

— ДНК Мира?.. — переспросил Раймонд.

— Да, конечно! — воскликнула Нина. — Я расскажу, как это объясняет мой Учитель.

— Учитель?

— Да, у меня есть Учитель! Конечно! Так вот, каждая клеточка человеческого тела хранит в себе информацию обо всем организме. Эта информация зашифрована в цепочке ДНК. И жизнь предопределена этим кодом! В ДНК записаны все индивидуальные особенности человека, все его болезни и даже причина смерти. Там есть все — от начала и до конца. А если есть и начало, и конец, значит, времени не существует, оно — иллюзия. И пространства тоже не существует: ведь код — это шифр, то есть смысл. А смысл не локализован в пространстве...

Раймонд почувствовал, что теряет нить разговора. Ему хотелось что-то уточнить у Нины, лучше разобраться в деталях, понять... Он попытался сосредоточиться, собраться с мыслями. Но Нина накрепко держала его своими глазами. Ни опомниться, ни сконцентрироваться Раймонду не удавалось.

И тут с ним вдруг что-то произошло. Что-то щелкнуло у него внутри. То ли сломалось, то ли, напротив, выправилось. Он перестал слышать слова, только некое звучание смысла. Его глаза больше не видели Нину, только ее движение — средоточие яркой энергии, наподобие шаровой молнии.

— Нет ни времени, ни пространства, важен только код, шифр, — говорила Нина. — И поэтому люди бывают двух типов. Одни — примитивные существа — они видят только то, что на поверхности. Они, как слепые котята, верят иллюзии. Высокоразвитые, духовные существа воспринимают код. Люби себя, и ты увидишь эти коды. Не человека, а его код! Не ситуацию, а ее код! Не жизнь, а множество связанных друг с другом кодов!

— Множество кодов... — эхом повторил Раймонд, представляя себе гигантскую систему кодов, душу Вселенной.

— И теперь ты можешь сам создавать коды! Создавать ситуации! Мир начинает делать то, что ты хочешь. Это настоящее колдовство!

— Колдовство! — понял Раймонд.

Раньше бы это слово его напугало. Ведь колдовство ассоциируется с Дьяволом, с темными силами, со злом. Но сейчас все виделось ему в ином свете. Когда Нина произнесла это слово — «колдовство», Раймонд ощутил необыкновенный прилив сил. Словно она сказала — не «колдовство», а «чудо».

И правильно! Ведь «чудо» — это то, что происходит по «воле Божьей». А «колдовство» — это твое. Это твоя воплощенная воля. Мечта о чуде никогда не сделает тебя сильным. Но стоит перестать бояться колдовства, и ты ощущаешь силу, ты чувствуешь, что можешь управлять миром!

— Да, Раймонд! Да! — Нина вскочила с места и закружила по комнате. — По моей вере, у религии есть особый смысл. Она — испытание для человека! Религия и вера в Бога — это препятствия. Их нужно преодолеть. Религия утверждает: «Ты должен верить в Бога! Все в воле Божьей!» Но это искушение, Раймонд! Это искушение! Так Вселенная проверяет твой дух, испытывает твою волю! Хватит ли тебе храбрости отказаться от Бога? Хватит ли тебе мудрости возлюбить Себя, как ты любил до этого Бога?.. Хватит ли тебе сил быть первым из первых — Альфой и Омегой?.. Если хватит, Код Мира будет твоим. Если нет — твоя жизнь превратится в жалкое существование.

На миг Раймонд почувствовал себя в центре Мира, в самом центре Вселенной, на вершине Мироздания. Незабываемое, фантастическое ощущение! И к этому ощущению его привела Нина... Нина — волшебница. Она знает Код Мира. Она может все. Встреча Раймонда с Ниной — это дар Судьбы! Проведение одарило Раймонда за все его страдания, за все его муки, за все терзания Духа.

Все встало на свои места. Нужно полюбить себя... Нужно просто полюбить себя...

Нина удивительный человек! Удивительный! Пронзительный, тонкий, с потрясающим умом и талантом. И еще она волшебница. Да, Раймонд в этом абсолютно уверен. Она может считывать с человека информацию, интуитивно видеть будущее и влиять на события. Она волшебница, фея.

Ее книга... Нина долго не хотела о ней рассказывать. Раймонд боялся настаивать. Но все же ему очень хотелось узнать... Если Нина решила написать книгу — это должно быть что-то

особенное. Она сама — особенная. И ее книга непременно всколыхнет людей. Нине удастся то, о чем Раймонд мечтал всю свою жизнь — люди очнутся!

Люди пребывают во сне. Им кажется, что они любят, но на самом деле они только играют в любовь. Они убеждены, что они добрые, но на самом деле у них черствые сердца. Они едят гамбургеры, читают комиксы, смотрят блокбастеры и уверены, что это жизнь. Люди пребывают во сне. Кто-то должен разбудить их!

Люди пребывают во сне. Им кажется, что они любят, но на самом деле они только играют в любовь. Они убеждены, что они добрые, но на самом деле у них черствые сердца. Они едят гамбургеры, читают комиксы, смотрят блокбастеры и уверены, что это жизнь. Люди пребывают во сне. Кто-то должен разбудить их!

И кто сделает это, если не Нина?! Мир страдает пороком аморфности и безликости. В мире не осталось ни одной индивидуальности. Кто разбудит людей, если не Нина?!

— Я написала ее в голове, — Нина рассказывала о своей книге, лежа на диване; ее тонкие, изящные пальцы словно кружились в танце. — Я пишу ее постоянно. Это бестселлер, Я знаю. Люди будут читать ее, не отрываясь. Она перевернет и изменит их жизнь, потому что в моей книге — правда. Нет ничего красноречивее правды. Абсолютная правда жизни. Но я собираюсь рассказать о ней так, что это изменит сознание людей.

— А о чем будет книга? — спросил Раймонд и сел в кресло рядом с диваном.

— О том, что произойдет в ближайшие несколько дней, — ответила Нина. — Я специально приехала в Нью-Йорк...

— Но ты же уже написала эту книгу?.. — Раймонд почувствовал себя неловко, его удивила несогласованность времен. — Произойдет?..

Нина внимательно посмотрела на Раймонда. Перешла чуть подальше, собрала волосы в руку и потянула их назад. Черты ее лица вдруг заострились.

— Раймонд, времени и пространства не существует. И поэтому, если я придумала книгу, значит, она уже есть. И то, что написано в ней, — тоже уже есть. В этом магия — все написанное становится реальностью. А то, что ты видишь вокруг, этого не существует.

— Но ты ведь написала о какой-то творческой группе, которая занимается постановкой «Маркиза де Сада»? — Раймонду стало не по себе.

— Да.

— И там все женские роли исполняют мужчины...

— Да, все, — Нина отпустила волосы и встряхнула головой, словно ошетибилась пышной гривой.

На миг Нина показалась Раймонду столь же красивой, сколь и страшной, пугающей. Он вздрогнул.

— И это должно произойти в Нью-Йорке?.. — шепотом спросил он.

— Да, в Нью-Йорке.

Повисла тяжелая пауза. Мысли судорожно пульсировали в голове Раймонда. По всему выходило, что книга Нины рассказывает о творческой мастерской Клорис. Значит, Нина написала книгу и о нем, о Раймонде?! Но что может быть в этой книге?.. Как она изменит этот мир и сознание людей?! Что такого особенного в их бесконечных и вполне будничных репетициях Сада? Какая правда потрясет читателей?..

— То, что вы сделаете друг с другом, — Нина отвернулась от Раймонда и опустила голову. Волосы блестящими струями сбежали вниз, обнажив ее длинную белую шею.

— А что мы сделаем друг с другом? — слетело с губ Раймонда.

— Еще никогда оглашение пророчества не смогло изменить реальности. Дельфийский оракул предупредил царя Лая о рождении сына, и что этот сын убьет его. Разве это что-то изменило, Раймонд? Как ни старался Лай, он не смог избежать своей участи. Эдип убил отца. Пророчества создают реальность, и это нужно принять. А рассказывать о них бессмысленно.

— Но что должно случится, Нина?! Ты не скажешь мне?

— Кассандра лишь плакала, когда ее спрашивали о будущем Трои, — прошептала Нина, не глядя на Раймонда. — Слезы застилали глаза великой пророчице. Она ничего не могла сказать...

И в глазах Нины тоже стояли слезы. Она нервно потянула вбок блузку и схватила ртом воздух. Ей стало нечем дышать, она задышалась. Крик застрял у нее в горле. Крик боли и отчаяния. Протяжный, мучительный крик.

Раймонд растерялся. Ему хотелось обнять Нину, прижать к себе, утешить, успокоить. Сказать, что все будет хорошо. Что он ее защитит. Но он не решался. Он боготворил Нину. Дотронуться до нее — все равно что взять в руки святыню...

Его сердце разрывалось от тоски. Раймонд не мог видеть ее слез. Это что-то ужасное, страшное, несправедливое. Нина не должна плакать. Такая душа не должна страдать. Это неправильно. Этого просто не может быть... Нет.

Раймонд протянул руку и едва коснулся ее локтя. Кончиками пальцев. Это мгновение показалось ему вечностью. Он боялся вздохнуть.словно своим вздохом он мог спугнуть чудо. Прекрасную райскую птицу, по какой-то случайности навестившую землю.

Нина подалась в его сторону. И спрятавшись у Раймонда за спиной, прижалась щекой к его плечу. Нежная, трепетная, ранимая...

— Еще никто... Никто не относился ко мне так, как ты. Ни один мужчина. Ни один человек.

— Да что ты! — смутился Раймонд. — Я — ничего... Я...

— Нет, Раймонд, нет. Ты особенный. Ты чуткий. Ты внимательный. Ты заботливый. Никто, никто не относится ко мне так... — Нина говорила настолько проникновенно, что сердце Раймонда, казалось, вот-вот порвется на части. От боли, от нежности, от отчаяния.

Но куда она теперь пропала? Не оставила ни адреса, ни телефона. Раймонд даже не знает ее фамилии. Может быть, уехала домой?.. Вот так? Не простившись? Или что-то случилось? Одна, в чужом городе. Нет, не может быть. Бог ее защищает. Она — неземное существо. С ней ничего не может случиться...

Телефонный звонок вырвал Раймонда из состояния глубокой прострации. Сердце заколотилось в груди, словно после марафонской дистанции. Пот мгновенно покрыл лицо тонкой влажной пленкой. Дыхание прервалось. Ни слова не вымолвить...

— Але! Раймонд, ты? Ты там уснул, что ли? — раздалось в телефонной трубке. — Я тебя уже полчаса жду!

Это Мартин. Раймонд сам просил его сегодня о встрече. И забыл. Так скверно на душе... Хочется хоть с кем-нибудь поговорить...

— Да, Мартин! Прости. Иду-иду. Сейчас уже буду...

Изображение пропало.

Экран стал серым и замерцал. Снова какой-то сбой в системе. Информации пока больше нет. Но мы — все четверо — продолжали сидеть за столом и молча смотреть на экран. Белые полосы по серой, дрожащей ряби.

— Странно, — сказал я. — Вроде бы все правильно, а что-то не так...

— Да вообще ничего не понятно, — Гаптен заметно нервничал. — В Откровении говорится: «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч». А тут и ухватиться вроде не за что... Мисима, Сад, актеры какого-то авангардного театра. Нина эта книжку какую-то пишет, античную мифологию поминает, про ДНК рассказывает.

— И еще непонятно, к чему все эти слова — «чудо», «пророчество», «колдовство», «волшебство», «фея», — поддержал я Гаптена. — Странное нагромождение. Андрей, а ты что думаешь?

И без того угрюмый Данила скрестил руки на груди, откинулся на спинку кресла и насутился.

Андрей не шелохнулся. Склонив голову, он рисовал на листе бумаги странные каракули.

— Я думаю, что это магический солипсизм, — ответил он.

— Магический солипсизм? — переспросил я. — Что это значит?

— Солипсизм — это философское направление, — сказал Андрей, не поднимая головы; судя по всему, он не был расположен к откровенному разговору. — Беркли, Фихте, отчасти Декарт... Суть солипсизма проста: все, что существует, существует лишь в сознании

отдельного человека. То есть реальности нет. Есть только то, что в голове. Все субъективно, а объективные суждения невозможны. Теперь добавьте к солипсизму слово «магия», и вы поймете, что я имею в виду...

— Внешний мир зависит от того, что я думаю? Как подумаю, так и будет? — понял я.

— Да, — кивнул головой Андрей и тихо добавил: — И все люди вокруг — только марионетки. «Ментальные фантомы». Безчувств, без жизни, без любви... Как она придумала, так они и будут прыгать.

Данила выругался, встал и вышел. Мы с Гаптенем оцепенели.

— Плохо дело, ребята, — Андрей оторвался от своего занятия, поднял голову и посмотрел на нас печальными глазами. — Влюбился наш Данила. Влюбился.

— Влюбился?.. — мне показалось, что я ослышался. — В кого?!

— Ну, понятно в кого, — сухо констатировал Гаптен. — В нее.

— В Нину?! — я все еще не мог в это поверить. — Как?.. В ней же Тьма...

— Ну, во-первых, это не факт... — протянул Андрей.

— А во-вторых, боюсь, что скоро будет фактом. — отрубил Гаптен.

Мы с Андреем удивленно уставились на Гаптена.

— Светлые хотят что-то обсудить, — Гаптен повернул к нам свой монитор. — Вот.

На экране высветилось приглашение.

После той Встречи Двадцати четырех, когда Свами Брахмананда объявил о низложении Баланса Силы, мы уже несколько раз общались со Светлыми. С шестью Посвященными, стоящими на стороне света. Раньше мы и не догадывались об их существовании. А ведь это именно благодаря этим людям, Даниле удалось добраться до Байкала и встретить там Схимника.

Светлые, как и Темные, лишь приверженцы Света и Тьмы. Можно сказать — их идеологические сторонники. Да, Светлые обладают знаниями, силой, возможностями, ресурсами. Они нас защищают, снабжают информацией, помогают в контактах с внешним миром. Но во всем остальном они обычные люди, только Посвященные.

И Темные — не Тьма. Они — люди. Посвященные, которые помогают Тьме. Свет и Тьма — это вообще не какой-то определенный человек. Только сейчас Тьма предпринимает попытки воплотиться в конкретных людях, чтобы с их помощью установить на земле Свое господство. Впрочем, только сейчас у Нее и появились на это силы.

Во время одной из наших последних встреч со Светлыми Посвященный суфий Санаи сказал так:

«Подлинное счастье — это когда два Света становятся Одним. Когда Свет, живущий в твоей душе, открывается Свету, который царствует во Вселенной. Свет души, скрывающийся от Вселенского Света, напротив, обречен на страдание. А страдание и открывает путь Тьме. И то, что Тьма обрела силу, означает только одно... Наступила эпоха великого страдания Духа».

Данила тогда удивился и спросил у Санаи: «Это странно. Ведь, люди живут все лучше и лучше. Почему вы думаете, что страданий стало больше?»

«Люди неправильно понимают слово страдание, — ответил Санаи. — У людей все больше сил и возможностей, чтобы бороться с голодом, бедностью и болезнями. Они думают, что в этих трех напастях и заключено их страдание. Им кажется, что, будь они чуть богаче, а их жизнь — чуть сытнее и здоровее, их страдания исчезнут сами собой. На борьбу с этим «злом» люди бросают все свои силы. Все. А страдание — это другое. И потому сейчас человек слаб перед истинным страданием, как никогда».

Мне ответ Санаи показался и правильным, и полным. А Данила вдруг начал спорить. Он стал говорить, что если у людей жизнь будет лучше, то они смогут больше времени уделять своей душе, внутреннему Свету.

Санаи ничего не ответил. Он только как-то очень странно посмотрел на Данилу.

А Данила задумался.

Потом, уже вечером, он сказал мне: «Знаешь, Анхель, все-таки я чего-то не понимаю. Я хочу, чтобы люди не голодали, не болели, не бедствовали. Разве хорошо, если ребенок голоден,

болен, и ему не на что купить игрушку? Почему здоровье и благосостояние несовместимы со счастьем и Светом?».

Я не знал, что ему ответить. И он прав. И Санаи, как мне казалось, тоже прав.

— Хорошенькое дело, — протянул Андрей, глядя на экран с приглашением к встрече.

— Да... И что мы им скажем? — Гаптен пожал мечами. — Что Данила у нас влюбился во Всадницу?..

И только в эту секунду до меня вдруг дошло. Тьма попытается завладеть сердцем Данилы через эту женщину! Мы совладали с Первой Печатью, и Тьма решила пойти ва-банк — перетянуть на свою сторону Избранника! Ужас сковал все мое тело. Нет! Не может быть!

Экран Гаптена моргнул, и на нем появилось новое сообщение. Наше приглашение было аннулировано. Теперь Светлые приглашали на встречу только одного Гаптена.

— Не хотят встречаться с Данилой, — тихо сказал Андрей. — Испугались.

Клорис рвет и мечет, — безразличным тоном сообщил Мартин, потягивая пиво, из стройной кружки. — Что с вами со всеми стряслось? Сначала тебя не было. Теперь вот Сэм куда-то запропастился...

Мартин высокий и полный. Не толстый, а именно полный, грузный. Лицо — один большой овал, с бессмысленными, неизвестно как попавшими на эту лунную поверхность деталями. Лицо обрюзгшей, уставшей от жизни пятидесятилетней женщины. Залысины и длинные волосы. А ведь ему еще и тридцати нет. Печальное зрелище. Клорис любит его в роли госпожи де Монтрей. Он играет круглую дуру, и у него это хорошо получается. Впрочем, сам Мартин считает, что он великий режиссер. Только его творческих замыслов никто не понимает...

Подлинное счастье — это когда два Света становятся Одним. Когда Свет, живущий в твоей душе, открывается Свету, который царствует во Вселенной. Свет души, скрывающийся от Вселенского Света, напротив, обречен на страдание. А страдание и открывает путь Тьме. И то, что Тьма обрела силу, означает только одно... Наступила эпоха великого страдания Духа.

Встретиться с ним в клубе — идея неудачная. Но Сэм действительно не отвечает на телефонные звонки, а больше просто не с кем поговорить.

— С Моникой что-то стряслось? — вяло поинтересовался Мартин.

Они сидели за столиком на подвесной металлической конструкции, установленной вдоль четырех стен на уровне второго этажа, вокруг устроенного колодцем танцпола.

— С Моникой? — не понял Раймонд.

— Да... — глупо рассмеялся Мартин. — К доктору тебе надо, Раймонд! К доктору!

«Черт!» — мысленно обругал себя Раймонд. Моника — это же его девушка. Даже не сообразил сразу. Раймонд должен был позвонить ей еще неделю назад! Но сначала он не хотел, а потом... Потом он и вовсе отключил телефон.

— С Моникой все в порядке, — соврал Раймонд.

В конце концов, какое Мартину дело?! Вечно он во все лезет. У него всегда «свое видение» и «свое мнение» По любому поводу! А если ты это мнение не разделяешь, он взрывается, говорит гадости и уходит. Но его и слушать-то невозможно —

выражается путано, пространно. Начнет издалека и ни к чему не приходит. Перескакивает с темы на тему, вспоминает прежние обиды, кто кому что сказал... Все неправы, он прав. И любимая фраза: «Мне когда-нибудь дадут сказать?!» При том, что он говорит в три раза больше всех остальных вместе взятых...

— Она в студию приходила... — ухмыльнулся Мартин. — Искала тебя.

Раймонд отпил свой скотч. Мартин относится к разряду людей, которые «все знают» и учат «как жить». Сейчас это прозвучало именно таким образом — ты, мол, Раймонд, как всегда все делаешь неправильно.

Люди неправильно понимают слово «страдание». У людей все больше сил и возможностей, чтобы бороться с голодом, бедностью к болезнями. Они думают, что в этих трех напастях и заключено их страдание. Им кажется, что, будь они чуть богаче, а их жизнь — чуть сытнее, чуть здоровее, их страдания исчезнут сами собой. На борьбу с этим «злом» люди бросают все свои силы. Все. А страдание — это другое. И потому сейчас человек слаб перед истинным страданием, как никогда.

— Не так нужно с женщинами, Раймонд! — как и ожидалось, Мартин пустился в пространные рассуждения о жизни. — Ты женщин боготворишь. Ну, а если не боготворишь, то уважаешь, по крайней мере. Относишься к ним как к разумным существам. На разные умные темы говоришь. Что-то втираешь им. Вьешься...

Раймонд почувствовал, что у него свело челюсти:

— Ты это к чему, Мартин?

— Да к тому, Раймонд... — продолжил Мартин тем же своим отвратительным, высокомерным тоном. — Не правильно ты с ними. Женщины бывают хорошие, а бывают плохие. И все. Как с ними разговаривать? Чего им объяснять? Они все как одна — про деньги думают да про длину твоей пизды. Все.

— Ладно. Оставим это, — Раймонд допил скотч, повернулся к Мартину боком и уставился на танцпол.

Перед глазами стояла Нина. Прекрасная, умная, сильная. А рядом это существо — без пола и всего с одной извилиной. Впрочем, откуда Мартину знать, что такое настоящая женщина? Разве же она будет с ним встречаться? Разве обратит на него внимание? Удивительно, что у него вообще был хоть какой-то сексуальный опыт. Какая женщина могла с ним спать?.. Бр-р-р...

— Ты, конечно, можешь мне не верить, — Мартин обиделся, — но я знаю, о чем говорю.

— Мартин, отвянь, — музыка стала громче, и Раймонду пришлось даже крикнуть.

Все тело вдруг стало чесаться. Уже два дня у него странный зуд. На предплечьях, кистях, на шее, туловище. Он растирает себя чуть не до крови. Что-то нервное...

— Ты когда-нибудь дашь мне сказать! — вспыхнул Мартин и дал традиционную для этого своего вопроса паузу.

— Скажи, — Раймонд отодвинулся еще дальше и почесал руку.

— Я тебя не учу жить, Раймонд, — от изрядного количества выпитого язык у Мартина стал заплетаться. — Но у меня есть свое мнение. Все женщины такие. Вот Моника, например. Хорошая она или плохая?.. Раз ты с ней встречаешься, значит, думаешь, что хорошая. А чего в ней хорошего? Ей просто приятно думать, что ты актер. Вон — в двух фильмах снялся, в спектакле играешь. Она так самоутверждается. За твой счет.

— А что, по-другому не бывает?

Раймонд подумал о Нине. Она заинтересовалась им. Одно осознание этого факта вызывало у него ощущение щенячьего восторга и благоговейного трепета. Нина удивительная женщина, воплощенное божество. А как иначе?! Конечно, он счастлив. Но, если следовать логике Мартина, то получается, что Раймонд самоутверждается за ее счет. Это не правда. Это не так. Он просто любит. Он любит Нину. Это же так очевидно! Почему сразу всех обвинять?..

— Не бывает! — Мартин ударил кулаком по столу.

— Ты больной?.. — Раймонд посмотрел на Мартина — полное ничтожество.

— Это ты больной, — Мартин расплылся в глупой улыбке. — Вот Моника тебе сразу дала?..

— Да я бы и не взял «сразу», — пробурчал Раймонд.

Вот, например, у них с Ниной ничего не было. Ничего. Ну и что с того? Если не было, значит, что они не любят друг друга? Или, может быть, у них нет совместного будущего? Какая глупость! За те три дня, пока они были вместе, они сблизились духовно. Нина говорит, что это «энергетический контакт». Это настоящие отношения — глубокие, искренние. Что бы изменилось, если бы у них был секс? Ничего. Чудо бы исчезло — вот что! Нет, Мартин глупость горюдит. Конечно. Глупость и пьяный бред.

Откуда Мартину знать? Что он вообще понимает в женской психологии? Ни одна женщина никогда бы не рассказала ему, что у нее на сердце. А ведь есть тысяча причин... Женщины живут своим прежним опытом. И если женщину обманули, если ее предали, обидели, унизили, она уже не может сразу же довериться мужчине, даже если она влюбилась в него с первого взгляда. Ей нужно время. Прежде он должен будет доказать ей свою верность, свою преданность, свою доброту и честность. Только тогда их отношения могут перерасти во что-то большее...

— Ты это только так говоришь, — Мартин назидательно погрозил Раймонду пальцем. — Только говоришь! А это четкий критерий. Четкий! Если тетка тебе сразу дала, значит, ты ей запал. А если запал, то можно и дальше продолжать. А если нет, то какого черта! Хотела бы, так и понятно. А не хочет, так чего на нее силы-то тратить?

Нина любила лишь однажды. Она была счастлива своей любовью. Но тот мужчина поднял на нее руку. Он издевался над ней, требовал от нее невозможного, унижал. А потом набил. Жестоко. Чудовищно жестоко. Он бил ее головой о каменный пол. Бил до тех пор, пока у нее не пошла кровь. До тех пор, пока Нина не потеряла сознание. Она кричала, она просила его: «Не бей, пожалуйста! Не бей меня! Только не голову!». Но он бил — жестоко, методично. Бил от бессилия, от неспособности подчинить ее, сломать ее волю.

Теперь Мартин говорит: «Если женщина тебя любит, она переспит с тобой в первый же день». Какой бред! Как может Нина переспать с незнакомым человеком, зная о том, как жестоки и несправедливы могут быть мужчины? Подумать только: кто-то решился поднять на Нину руку?!..

«Знаешь, когда я увидела кровь, — рассказывала она Раймонду. — Я вдруг перестала бояться. Я поняла, что не умру. Никогда. Что моего тела не существует. И с того дня я начала писать свою книгу. С того самого дня...»

— Да, тратить силы это не в твоём духе, — сказал Раймонд сквозь зубы.

— Не в моем, — глаза Мартина как-то странно заблестели. — Вот и Моника мне это сказала.

Раймонду весь этот разговор опротивел окончательно. Надо вставать, прощаться и уходить. Да, нужно вернуться домой. Вдруг Нина пришла к нему и ждет у дверей?.. Пора.

— Что Моника тебе сказала? — безразлично спросил Раймонд, вставая с кресла.

— Она сказала, что я не трачу сил. Просто беру и имею, — ответил Мартин.

— Ну и хорошо, — Раймонд пропустил его ответ мимо ушей, кивнул головой и поднялся. — А я пойду. Пора мне. Пока!

Раймонд направился к выходу. Нужно пройти между столиков, там лестница вниз. Спуститься на танцпол и слева дверь...

«Просто беру и имею», — прозвучало в голове Раймонда. Он остановился и замер. Потом обернулся, сделал несколько шагов назад и напряженно посмотрел на Мартина:

— Ты это про что?..

Мартин был метрах в трех от него. Он отвернулся и тупо смотрел на танцпол. Нет, он слышал Раймонда, но он отвернулся и тупо смотрел на танцпол.

— Что ты имеешь в виду, Мартин?! — заорал Раймонд, силясь перекричать заглушающий его слова реyv.

— Ты ей не звонил, — Мартин посмотрел на Раймонда своими пустыми, водянистыми глазами. — Она расстроилась. Хотела, чтобы кто-нибудь ее утешил... А ты что думал? Хорошие бабы долго не залеживаются! Минет она классно делает. Повезло тебе.

Раймонду показалось, что за сотую долю секунды половина жизни промелькнула у него перед глазами.

— Ну, как вы тут? — спросил Гаптен.

Он вернулся после встречи со Светлыми. Пытается выглядеть благодушным и приветливым. Но на самом деле это не так. Он напряжен и сосредоточен. Я понимаю, что разговор был непростым. О чем они могли вести речь?..

— Да ничего особенного... — ответил Андрей. — Посмотрели еще одного персонажа из студии Раймонда. Зрелище печальное. И, судя по всему, обстановка в этом творческом

коллективе как у клопов в банке. Раймонд, понятно, влюблен. Но платонически — голова полна фантазий и аллюзий. А Нина ему все «объяснила», чтобы он и о сексе не думал, и никаких прав на нее не высказывал. Жалость вызвала, патетики нагнала... В общем, пьеса в разгаре. Конец первого акта. Чувствуется, ждем второй. Поразительная, конечно, женщина! С уникальным потенциалом разрушительной силы...

Женщины живут своим прежним опытом. И если женщину обманули, если ее предали, обидели, унизили, она уже не может сразу же довериться мужчине, даже если она влюбилась в него с первого взгляда. Ей нужно время, Прежде он должен будет доказать ей свою верность, свою преданность, свою доброту и честность. Только тогда их отношения могут перерасти во что-то большее...

Андрей говорил, как он часто это делал, с особенной, тонкой иронией. В первое время мне казалось это странным, даже пугало. Я не понимал — почему? Ведь я знаю, Андрей не такой! Он добрый и заботливый. Не может быть! Но нет, он частенько говорил о людях, акцентируя их ошибки и слабости. Исподволь, но вполне определенно. И всегда в самую точку.

Я же всегда рассуждал таким образом. Все люди несовершенны. Это нужно просто принять и игнорировать их недостатки. Смотреть на плюсы человека, подмечать его достоинства. Они ведь тоже есть у каждого. И тогда можно сохранить доброе отношение к человеку, даже если он делает что-то ужасное или неправильное.

И лишь совсем недавно я нашел ответ на свое «Почему?». Андрей очень четко разграничивает две вещи — человека и его поступки. Человек для него — святое. И если он иронизирует, то не над человеком. А если нападает, то не на человека. Он иронизирует над нелепым доверием человека. Андрей — бескомпромиссный враг поступков, которые делают человека несчастным.

Он враг наших врагов. В его мире нет трусов. Но есть люди, которые страдают от собственных страхов. В его мире нет и дураков. Но есть люди, которые страдают по собственной

глупости. И так во всем. В его мире вообще нет зла, лишь несколько неправильных вещей, которые он в состоянии изменить ко всеобщему благу. И он воюет.

Чутким взглядом психолога он определяет, почему человек несчастлив, что он делает не так и что ему мешает быть счастливым. Он видит, переживает и наступает. Он ополчается против человеческих страхов, против отчаяния, против упрямства или бездеятельности. Но не против человека, а наоборот — за него, ради него, для него.

Он враг наших врагов. В его мире нет трусов. Но есть люди, которые страдают от собственных страхов. В его мире нет и дураков. Но есть люди, которые страдают по собственной глупости. И так во всем. В его мире вообще нет зла, лишь несколько неправильных вещей, которые он в состоянии изменить ко всеобщему благу. И он воюет.

Он борется с тем в человеке, что мешает этому человеку быть счастливым. А ведь эти препятствия, эти преграды — всегда внутри нас. Мы несчастны из-за собственных страхов, из-за своей глупости, предвзятости, слабости.

Со стороны может показаться, что Андрей борется с человеком. Но это не так, он борется с бедой человека. А это совсем не одно и то же. И как только человек понимает это, как только он видит в Андрее союзника, а не противника, от прежней иронии Андрея не остается и следа. Лишь доброта, чуткость, забота и поддержка.

Но до той поры, пока ты враг самому себе — держись, Андрей будет воевать с твоим врагом не на жизнь, а на смерть. За тебя.

— Неправда, — тихо и зло сказал Данила. — Нельзя так с людьми. Ты, Андрей, смотришь на них, будто бы они какие-то интегралы, цифры, схемы. Считаешь, просчитываешь. Философствуешь. А они — живые. Понял, Андрей?! Они — живые!

На щеках Данилы мелькнули желваки. То, что он сказал — это неправда, и это жестоко. Андрей не заслужил этого. Данила должен извиниться. И тут я оторопел — вместо извинений Данила медленно и с силой сжал кулаки!

— Так я с этим и не спорю, — Андрей выглядел спокойным, доброжелательным и открытым. — Люди — живые. Но там, Данила, — Андрей показал на экран, — ими манипулируют. Меня как раз это и беспокоит. Нет ничего приятного в том, чтобы оказаться безвольным героем чьей-то «книги». А они оказываются... И, судя по всему, в этой книге не планируется хеппи-энд...

— Я просто не понимаю, что вы к ней привязались! — Данила говорил это с таким напряжением, с такой агрессией, что я вдруг по-настоящему испугался. — Почему вы вообще думаете, что это она?!

— Мы пока ничего не думаем, мы пытаемся понять... — Андрей предпринял попытку объяснить нашу позицию, успокоить Данилу, но тщетно,

— Не надо! Вы уже все решили! — почти прокричал Данила. — А я ее чувствую! Понятно?! И это я — Избранник! Я! Я знаю!

— Данила, а ты не допускаешь мысли, что ты можешь ошибаться? — тихо спросил Андрей. — Ведь Избранник может и ошибаться. В тебе же еще и человек есть. А люди часто ошибаются. Ты точно уверен, что Нину в тебе чувствует Избранник, а не Данила?..

Данила растерялся и начал нервно трясти руками. Он был не готов к такому вопросу. И сам себе он его тоже не задавал. Действительно, Данила не только Избранник, он еще и человек — обычный, такой же, как и мы все. Разве не может он чувствовать любовь, ненависть или боль, как обычный человек? Может. А разве эти его чувства не могут войти в конфликт с Истиной, его миссией? Могут.

— Все равно, — грозно сказал Данила. — ты уже все для себя решили. Просто она вам не нравится, и все. И вы решили!

— Гаптен, покажи, пожалуйста, Даниле... — попросил Андрей.

Дополнительных объяснений не потребовалось. Гаптен быстро подошел к столу — озабоченный, напряженный. Взял пульт дистанционного управления и включил расположенный сбоку от нас прозрачный экран.

Общая характеристика астрального поля планеты. Карта, как метеорологов. Только вместо циклонов антициклонов — энергетические потоки.

Любовь — это такая штука...
Влюбленный живет святой надеждой сделать любимого человека счастливым. Он искренне верит: если любимый человек увидит глубину его чувства, поймет, как сильно тот его любит, то уже никогда не будет чувствовать себя несчастным! Никогда!

Множественные точки турбулентности отрицательных энергий над всей поверхностью земли.

Гаптен произвел масштабирование. Мы увидели сначала увеличенное восточное полушарие, потом всю Северную Америку, Соединенные Штаты, штат Нью-Йорк, город Нью-Йорк, и сразу вслед за этим — Манхеттен.

Раздался резкий, неприятный звук — три коротких гудка и компьютерный голос: «Критическая масса сгущения! Критическая масса сгущения! Расчетное время воплощения — сорок восемь часов! Расчетное время воплощения — сорок восемь часов!».

Я вздрогнул. У Гаптена, кажется, подкосились ноги. Он медленно осел на стул. Видимо, не ожидал, что все случится так скоро. Данила побледнел и встал. За ним поднялся и Андрей. Я увидел, что они сосредоточенно смотрят друг на друга.

— Ты ничего не хочешь нам сказать? — тихо спросил у

него Андрей. — Скажи...

Последнее время Данила практически ни с кем не разговаривает. Здоровается, прощается, говорит «да» и «нет», но в остальном — словно бойкот. Я даже думал, что у него снова начались видения. Так бывало — он сильно менялся, когда начинал чувствовать носителя Скрижали. А вдруг, он чувствует и потенциальных Всадников Тьмы?.. Но нет, это невозможно. Пока Тьма не воплотилась в конкретном человеке, Всадником может стать, в принципе, кто угодно. Достаточно просто оказаться в эпицентре сгущения.

— Что сказать? — Данила убрал руки в карманы штанов.

— Я не знаю, Данила, — честно сказал Андрей. — Тебе, наверное, лучше нас это известно...

— Просто она в опасности, — у Данилы дернулась верхняя губа. — Вот и все.

Я вдруг почувствовал, что Данила не верит себе. Что он говорит это только чтобы мы от него отстали. Боже мой, что же с ним случилось?!

— Я тоже так думаю, — спокойно и честно сказал Андрей. — Она в опасности. Давай вместе подумаем, что мы можем сделать.

— Нет! — отрезал Данила. — Вы ничего не сможете сделать.

Я вздрогнул:

— Данила...

— Повторяю, — Данила говорил жестко и громко, но, если вслушиваться, можно было заметить, что у него дрожит голос. — Вы ничего не сможете сделать. Мне надо ехать.

— Куда? — не понял я.

— Мне надо ехать в Нью-Йорк! — в глазах Данилы мелькнула сумасшедшинка.

— Исключено, — Гаптен смотрит в стол и говорит об этом как о деле уже решенном.

— Это просто невозможно. Опасно. Очень опасно. Абсолютно исключено.

— А мне плевать! Слышите — мне плевать! — закричал. Данила. — Достали!

Смерчем он проносится по комнате и вылетает в коридор. Звук грохнувшей двери ударяет нам по ушам.

Если сказать, что мы находимся в состоянии шока, это значит ничего не сказать. Я почти в панике. У меня ком в горле. Гаптен, видимо, сам того не замечая, судорожно барабанит пальцами по столу.

Я поднимаю глаза и с мольбой смотрю на Андрея. Мне кажется, что только он может повлиять на Данилу. Нельзя, чтобы мы остались один на один с Тьмой в момент ее воплощения! Мы не можем без Избранника. Это невозможно.

Я поднимаю глаза. Я знаю, что в них мольба, ужас. Я смотрю на Андрея. У него спокойное и ровное лицо. А в глазах слезы.

— Ничего нельзя сделать, — тихо говорит он. — Ничего.

Я начинаю задыхаться.

Часть вторая

— Светлые не захотели встречаться с Данилой, — тихо сказал Гаптен. — Боятся, что он окажется на стороне Тьмы...

— Не может быть! — прошептал я, — Они действительно так думают?!

— Они уверены, что воплощение Тьмы будет происходить через Нину, — Гаптен замаялся, нас пугала сама мысль о том, что это предположение станет явью. — Ну, в общем. Тьма попытается это сделать через Нину. На что указывает множество косвенных признаков и пророчество о вавилонской блуднице...

До сих пор Светлые не придавали пророчествам Темных никакого значения. Но все изменилось, когда пророчество Темных о Копье Власти чуть ни сбылось.

— Нина обладает фантастическими способностями и может повлиять на Данилу, — продолжил Гаптен. — И в худшем может оказаться, что Данила...

— Перейдет на сторону Тьмы?.. — это все еще не укладывалось у меня в голове.

— «И дан ему был большой меч, чтобы взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга», — Гаптен близко к тексту процитировал строфу Апокалипсиса о Второй Печати.

— А что за пророчество? — Андрей поднял голову и посмотрел на Гаптена.

До этого он сидел, уткнувшись лицом в ладони, и молчал.

— Текст пророчества о вавилонской блуднице путанный и невнятный. — Увидев, что Андрей приходит в себя и готов участвовать в разговоре, Гаптен заметно оживился. — сложно сказать что-то определенное. Кое-кто из Светлых думает, что это пророчество не о воцарении, а о гибели вавилонской блудницы. Что, мол, в нем говорится, как остановить

всадника Апокалипсиса со Второй Печатью. Поэтому-то они и взялись за Данилу. В смысле — Темные взялись... Чтобы он защитил вавилонскую блудницу.

Меня пробрала дрожь. Все сжалось внутри. И хотелось орать. Я был на грани истерики.

Андрей вдруг встал и подошел ко мне. Я сидел на стуле, словно парализованный. Он опустился на корточки, обнял меня за плечи и тихо сказал:

— Анхель, все нормально. Слышишь меня, пока все нормально. Нормально, ладно? Это только предположения, и все. Пока так, но мы можем ошибаться. И можем... Как выйдет — неизвестно. Не торопи события. Будущее — оно и есть будущее, ты же знаешь. И возможно все еще сто раз изменится. Не переживай. Ты просто очень эмоциональный. Не переживай, ладно?

От его голоса — спокойного, участливого — на душе сразу стало как-то светлее и легче. Простые слова. Честные. Я смотрел на Андрея и спрашивал себя: «Как он догадался? Как узнал, что со мной что-то не так? Что я вот-вот или заорю, или просто сойду с ума?!» Он сидел чуть в стороне и не мог видеть моего лица. Но он понял, почувствовал. Догадался и помог. Протянул руку и вытащил из пропасти.

— Да, — прошептал я. — Все нормально. Я спокоен. Надо собраться... Но что с ним, Андрей? Как он может? Я боюсь его. Я не понимаю...

— Он, Анхель, просто влюбился, — печально улыбнулся Андрей. — И все.

— Но она... Она же лживая. Ненстоящая... Как?!

— Любовь — это такая штука... — Андрей встал, прошелся по комнате и, сделав небольшой круг, вернулся на свое место. — Она же — чувство, она против рассудка. Влюбленный живет святой надеждой сделать любимого человека счастливым. Он искренне верит: если любимый человек увидит глубину его чувства, поймет, как сильно тот его любит, то уже никогда не будет чувствовать себя несчастным! Никогда!

Влюбленный считает свою любовь великим, даже спасительным даром. Магическим, волшебным лекарством. От такого дара, считает он, просто нельзя отказаться! И чем несчастнее любимый, тем, часто, сильнее его любят. И чем активнее он отказывается от любви, тем, часто, настоятельнее ему ее предлагают.

Любовь — это желание большого подарка. Точнее — большое желание осчастливить любимого человека своим подарком, собой, своим чувством.

— Ты хочешь сказать, что Данила ей навязывается? — не понял я.

— Нет, не навязывается, — Андрей отрицательно замотал головой. — Ни один любящий человек не навязывается любимому. Нет! Тут другое. Тут надежда, тут мечта. Любящий уверен, что его любовь сотворит чудо, спасет любимого человека, преобразит его, сделает лучше, красивее, богаче, счастливее.

Вспомните «Спящую Красавицу» — поцелуй влюбленного принца снимает страшное проклятье, довлеющее над принцессой. Тот же сюжет и у Пушкина — в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях», в «Белоснежке». Во всех этих сказках влюбленный мужчина оживляет «холодную красавицу», которая символически изображается мертвой или спящей. Своей любовью он пробуждает ее к жизни, делает счастливой! Понимаете?..

А еще есть «Аленький цветочек». Там уже любовь девушки спасает принца от заклятия старой ведьмы. В «Снежной Королеве» — Герда излечивает Кая. В «Щелкунчике» Гофмана такая же история. Здесь мужчины чаще всего изображаются уродливыми — Чудовище в «Аленьком цветке». Щелкунчик. Уродство — это тоже символ.

Оно символизирует грубость, черствость, жестокость. Кроткое женское сердце преображает «урода», делает его добрым, чутким, нежным, ласковым.

Короче говоря, это архетипический сюжет. То есть он повторяется из сказки в сказку, из мифа в миф. Он о чем-то очень важном, о чем-то сокровенном. Любовь не хочет

Настоящим «подарком» для тебя будет только то, что ты течешь, то, о чем ты мечтаешь. Если же тебе что-то дарят, а ты в этом не особенно нуждаешься и не мечтал никогда, то это уже не «подарок», это хлам и причиненные неудобства.

навязаться, нет. Она рассчитывает перековать любимого, воспитать его. Ради лучшей жизни, конечно. Но как раз в этом и состоит ее главный парадокс...

— Андрей, а почему ты говоришь, что любовь против рассудка? — спросил Гаптен.

— Почему? — переспросил Андрей, словно удивившись моему вопросу. — Потому что настоящим «подарком» для тебя будет только то, что ты хочешь, то, о чем ты сам мечтаешь. Если же тебе что-то дарят, а ты в этом не особенно нуждаешься и не мечтал никогда, то это уже не «подарок», это хлам и причиненные неудобства.

Но любовь иногда доставляет влюбленному такую бездну страданий, что он и слушать не будет, если ему сказать, что в его даре любимый человек не нуждается. Влюбленный не поверит. Разве можно отказаться от того, что он выстрадал с такой болью?! Нет, это, на взгляд влюбленного, просто безумие!

А если любимый человек все-таки «почему-то» отказывается от его любви. То, рассуждает влюбленный, значит, он просто не видит, не понял еще или не созрел. Вот созреет, увидит, поймет — и тогда уж оценит! Вот тогда уж — да! «Но может быть поздно!» — этим влюбленный утешается. «И переждать не сможешь ты трех человек у автомата»... Великая иллюзия любви.

Андрей процитировал строчку из какой-то неизвестной мне песни. Гаптен понимающе посмотрел на него и грустно улыбнулся.

— Но Данила-то, Данила?.. — не понимал я. — Как же он?.. Он же ее совсем не знает!

— Он чувствует, — ответил Андрей. — Он же чувствует свое чувство... Но он нам сам об этом сказал. Сейчас он еще принесет в жертву своей любви дружбу, дело, все. И тогда его чувство совсем подорожает. Он Нине предложит поистине дорогой подарок... Только, боюсь, она его не оценит. Вряд ли она ждет парня из России... Пусть даже и Избранника.

— А я вот боюсь, что оценит. И что ждет... — Гаптен выглядел то ли смущенным, то ли озадаченным. — Я вам еще не все рассказал... Нина — ученица Катара, одного из Темных Посвященных. Помните?

— Катара? — удивился я.

— Кто это? — спросил Андрей.

— Ну, он же говорил тогда, на Встрече Двадцати Четырех... От лица Темных...

И тут я сразу же вспомнил этого человека с темным, землистым лицом, черной бородой, в одеянии, похожем на монашескую сутану.

— А-а-а... — протянул Андрей. — Его звали Катар?

— Да, это и был Катар, — подтвердил Гаптен. — Так вот, Нина... Она его ученица.

Андрей вздохнул и тяжело, с шумом выдохнул.

— Черт! Черт! Черт! — от отчаяния он трижды ударил кулаком по подлокотнику.

Я потерял дар речи.

— И Светлые думают, что все действительно в этой ее книге... — добавил Гаптен. — Она упоминается в пророчестве о вавилонской блуднице. Единственное, чего мы пока категорически не понимаем, это какова суть Второй Печати. Поймем, будет у нас противоядие. Не поймем — все.

Сэм проснулся, глянул на часы. Надо вставать. Сил никаких, но надо. Повернулся, посмотрел на вторую половину постели. Пусто. Одеяло откинута, простыня слегка смята, на подушке длинный женский волос. Пощупал. Холодно.

«Она, что, ушла?!» — задав себе этот вопрос, Сэм не понял — обрадовался он такому исходу или нет. Странное чувство.

Сэм встал, натянул трусы. Его взгляд автоматически зафиксировался на собственном отражении в зеркальной двери шкафа. Очень ему идут эти трусы. Хорошее, загорелое тело. Пресс идеальный. Грудь надо чуть-чуть подкачать, и самую малость — икры.

Выглянул в окно. Солнечно. Потянулся, но это не доставило ему удовольствия. Прошел по коридору в кухню. Зашел и испугался. Не сильно и без особой причины. Как будто холодом по ногам.

Нина сидит на высоком стуле, закинув ноги на стол, и курит. Она любит утренний Манхеттен. Из квартиры Сэма открывается очень неплохой вид.

— А тебе идет моя рубашка, — сиплым после сна голосом сказал Сэм и свернул в ванную комнату.

Опорожнил мочевой пузырь, обтер лицо теплой водой, прополоскал рот и рассмотрел себя в зеркало над раковиной. По утрам вокруг глаз стали появляться небольшие синие мешки. Так не видно, конечно. Но если приглядеться, то есть. Сегодня особенно.

— Чай? Кофе? — Сэм заряжал кофеварку.

— Спасибо, — лаконично ответила Нина.

— Понятно, — недовольно ухмыльнулся Сэм. — А я буду кофе.

Управившись с кофейным аппаратом, Сэм встал напротив Нины, облокотившись пятой точкой на кухонную столешницу. Сложил мускулистые руки на груди, закинул ногу за ногу. По идее, любая женщина, застав его в таком виде — загорелого, идеально сложенного, в трусах от Кельвина Кляйна, на залитой солнцем кухне, должна была бы зайти от восторга.

Но Нина не шелохнулась, даже не посмотрела в его сторону. Она продолжала пребывать все в той же вальяжной позе. Нина поочередно рассматривала то небо над Манхеттеном, то свои длинные, стройные ноги, лежащие на столе. И было видно, что оба эти объекта наблюдения доставляют ей истинное, неподдельное удовольствие.

«Вот сучка!» — думал Сэм, глядя на Нину и вспоминая подробности прошлой ночи.

Они занимались сексом с того самого момента, как познакомились — двадцать четыре часа назад. Диким, фантастическим сексом. Нина ведет себя в постели, как оголодавшая амазонка. Просто бешеная! Абсолютно без мозгов. Кажется, что она пребывает в состоянии непрекращающегося экстаза. Сексуальной истерики. Но... Но это только игра. Только.

Правда, Сэм понял это лишь ночью. Днем, занимаясь с Ниной сексом в нетривиальных местах — в кинотеатре, в общественном туалете, под столом в закусочной, на смотровой вышке, в цветочной оранжерее — он этого не замечал. Там эта холодность глаз казалась соответствующей обстановке. У преступника должны быть холодные глаза. Это правильно.

Но в постели, здесь, у него дома, ничего не изменилось. Нина продолжала быть холодной, показной. И хотя Сэм делал со своей стороны все возможное и невозможное, чтобы разжать эту скрученную в ней пружину, успеха он так и не добился. Нина, казалось, получала удовольствие только от одного: от производимого ею впечатления, от мужского шока.

Но Сэм — тертый калач. Он и не такое видел! На галлюциногенах, стимуляторах люди еще и не так зажигают... Впрочем, тут вся проблема именно в этом — они с Ниной ничего не принимали. Если бы у нее хоть что-то было, Сэм бы заметил. Обязательно. У него нюх. Но нет. Она чистая. Хоть олимпийский допингтест проводи. Но что же тогда с ней такое?!

У Сэма даже случился этой ночью приступ приапизма. Эрекция просто не спадала! Возбуждения, как такового, не было. Удовольствия — никакого. Но член стоял. Сэм не мог успокоиться. Но не сексуально, а психически. Нина занималась сексом, как мультяшный персонаж, как героиня японской анимационной порнографии. Она как нарисованная. Не живая. Машина.

— У тебя проблемы с оргазмом? — спросил он.

Нина обернулась и пригвоздила Сэма взглядом:

— Нет. У меня нет проблем с оргазмом.

— Но ты не кончаешь?.. — Сэм занервничал.

— Ты хочешь сказать, что я с тобой не кончаю? — улыбнулась Нина.

Этот ответ и эта улыбка привели Сэма в бешенство. Но он и виду не подал. У него железное правило: никогда не показывай женщине того, что у тебя на уме. Еще с малолетства Сам уяснил, что подобная откровенность ничем хорошим не заканчивается. Сначала ты рассказываешь женщине о себе, а потом она использует это против тебя. Намеренно и изощренно. Обязательно.

Впрочем, хорошо, что она это сказала. Теперь Сэм может не задавать целую серию запланированных вопросов. И так все понятно. Она с ним соревнуется. Вчера весь день была как заведенная. Но это не потому, что он такой сексуальный. Просто он не сдавался. Ни на секунду. Он продолжал ее гнуть, а она делала вид, что это ее лишь возбуждает.

Сэм должен был сдаться. Пасть на колени и восторженно застонать: «Боже мой, ты такая особенная! Ты меня затрахала! Как ни одна женщина! Я просто умер!». А Сэм ничего такого не

сказал, даже вида не подал. Просто мчал всю дорогу, как на автомобильном ралли. Мчал, мчал, мчал... Он выдохся. А она даже не запыхалась. Ей, конечно, он этого не показал, но он выдохся.

На его молчаливый вопрос в четыре часа утра: «Еще?» — торжествующая, властная, спокойная, даже безмятежная улыбка-ответ: «Сколько хочешь. Тебе меня не сделать!»

— Никогда не мог понять, зачем женщины имитируют оргазм... — Сэм сделал ответный ход конем: едкость взамен на едкость. — Понравиться хочешь?

— Я слишком влюблена в себя, чтобы хотеть этого... — Нинино лицо озарилось улыбкой юного Нарцисса.

Сначала у них все было хорошо. Сэм рассказал новой подружке, что он актер. Он это делает всегда, и это почти всегда срабатывает. А когда понял, что девушка еще и с прибабахом, добавил, что играет в спектакле о маркизе де Саде женскую роль. Эта подробность на подобных женщин и вовсе действует безотказно.

Женщины повернуты на том, чтобы мужчина их «чувствовал». Но что значит — «чувствовать женщину»? Угадывать, чего она хочет? Нет, это не совсем то. Если слишком хорошо угадываешь, они начинают капризничать. Понимать их «женскую душу»? Ну, наверное... Хотя главное — просто притвориться женщиной.

Сэм освоил это мастерство абсолютно. Но сегодня у него ничего не получалось.

— А ты не пробовала просто отдаться? — Сэм сказал это грубо, почти с наездом, но не истерично.

Нина удивленно посмотрела на Сэма. На миг ему показалось, что она не поняла, не расслышала его вопроса.

— Просто отдаться мужчине? — повторил Сэм, но уже другим, выпытывающим тоном. — Потерять свое «я», раствориться в нем? Насладиться... Только секс... Или любовь? Влюбиться...

— Отдаться?! — Нина вдруг расхохоталась. — Это когда я тебя трахаю?..

Первым его импульсом было желание убить Нину. Прямо тут, на месте. Но Сэм сдержался. Просто больная баба хочет вывести его из себя... Ничего не получится. Не на того напали.

— Ты — меня? — Сэм скорчил улыбку высокомерного могущества из роли Короля-Солнца. — Забавно...

Теперь нужно было сделать вид, что ему этот разговор наскучил. Он снова повернулся к своему любимому кофейному агрегату. Вода согрелась. Сэм нажал на кнопку, и в чашку полился

отменный, дивно ароматный кофе.

Сэм сел за стол. Нина потянулась и убрала с него ноги.

— Или оставить? — улыбнулась она.

— Как тебе будет удобно, — улыбнулся он в ответ.

— Нет, как тебе, — почти пропела она и снова улыбнулась.

— И ты говоришь, что все происходит. Как написано в твоей книге, — Сэм решил сменить тему разговора.

— Да.

— И там есть это утро? — Сэм даже не спросил — он выразил уверенность в своем сомнении, он сыронизировал.

— Да.

— И сегодняшний день? — Сэм как-то напрягся.

Если бы он совсем не знал Нину, то было бы понятно, что она врет. Или просто так играет, забавляется. Но на Нину это не похоже. Ей нужно быть «бьюти и прити». Всегда. Поэтому врать, да так... Чтобы тебя взяли за задницу?.. Нет, это не в ее стиле. Не может быть!

«Бьюти и прити» — личное выражение Сэма, он произносит его с особенным, специфическим акцентом. Это выражение характеризует человека, для которого состояние его

Главная наша привязанность — это наше представление о самих себе, то есть наше «эго». Эгоцентрики — это люди, зацикленные на своем «я», они держатся за него всеми силами, цепляются за него. И они категорически не хотят принимать другого человека таким, какой он есть. Все в этом мире должны быть только такими, как им нужно.

ногтей, например, важнее третьей мировой войны. И не дай бог кто-то заметит, что с его ногтем на правом безымянном пальце ноги что-то не так! Он непременно умрет от пережитого стресса.

У Нины, впрочем, особая форма «бьюти и прити». Ногти у нее тоже должны быть идеальными. Это факт. Но если с ними — с этими ногтями — что-то и случится, Нина убиваться не будет. Она улыбнется и скажет: «Только у меня мог так сломаться ноготь!» или «Как я обожаю свои заусенцы!» И не с ужасом, а с восторгом.

Но, как бы там ни было, глупо так безбожно подставляться и врать. Ведь Сэм может легко ее подловить и вывести на чистую воду. Это же такой удар по репутации! Скандал! «Нина лгунья и фантазерша!» Неужели эта властная победительница, которая «его трахает», может так подставиться?! В это верится с большим трудом.

— И сегодняшний день, — ответила Нина. — Он тоже там есть. В моей книге...

Она сказала это так, словно сделала Сэму одолжение. Протяжно, нараспев, но без удовольствия. Абсолютная уверенность...

— Нина, ты это серьезно? — Сэм чуть не прыснул со смеху. — Ты в своем уме?!

Нина посмотрела на Сэма, как на полное ничтожество.

— Сегодня мы пойдем в твою студию. Впрочем, не в твою. Это студия Клорис. Кстати, вопреки твоим опасениям, Клорис будет рада нашему знакомству. А вот твой друг — Раймонд — станет бледным, как полотно. Все закончится скандалом. Так будет сегодня.

У Сэма закружилась голова. Он с трудом взял себя в руки. Откуда она может все это знать?! Про Клорис он ей не рассказывал. Или рассказывал?.. Нет, Сэм никогда не говорит девушкам, что его театральный режиссер — женщина. Это принцип. Про Раймонда?.. Что он друг Сэма?

Ну, положим, она уже знала про нашу студию. Просто не призналась в этом. Тогда все встает на свои места — Клорис, Раймонд. Но откуда она знает, как он будет выглядеть?! И про скандал?! Впрочем, про скандал и про то, как он будет выглядеть — это она могла и придумать. Это неизвестно.

Но ведь станет известно?! Рассчитывает на совпадение?! Или действительно все, о чем она говорит, — правда?.. Ее книга... Эти истории об Учителе, медитативных путешествиях. О том, что в детстве ее вывезли из России, потому что на ней лежит какое-то страшное проклятие, связанное с этой страной...

— И по поводу секса, — Нина, словно ждала этой растерянности Сэма, словно специально ее добивалась. — Да, я кончаю во время секса. Что с того? Просто это не приносит мне никакого чувства удовлетворения. Когда мужчина начинает меня трогать, я вылетаю из тела и наблюдаю за этим со стороны.

Мое тело занимается сексом — ему это нужно. Но я — нет. Я нахожусь сверху, и вижу все сверху. Это как порнофильм. Самый красивый порнофильм. Я в нем прекрасна... Но это низшие энергии. Они убивают. Это для низших существ.

Секс в медитации — это другое. Когда ты выходишь из тела, и только в этот момент к тебе присоединяется другой. Ко мне приходит мой Учитель, и я наслаждаюсь Им. У духа нет пола. Это чистый обмен энергиями, никто ни у кого ничего не крадет.

Нина говорила это так — с такой силой, с такой убежденностью в голосе, что Сэм вдруг почувствовал себя ничтожеством. Ничтожеством, которое на протяжении суток что-то из себя выжимало, пыжилось, старалось, а за ним просто наблюдали. На него смотрели, как на вещь, как на игрушку, предназначенную для достижения физиологической разрядки. И при этом он был как на экзамене, сдавал строгому судье нормативы. Она получала удовольствие, но не удовлетворение. Она утверждала над ним собственное превосходство и ненавидела. Она кончала, но не растворялась в оргазме. Она его сделала.

Сэм это так не оставит. За ним ответный ход.

— *Не может быть!* Она — русская? — Гаптен недоуменно посмотрел на Андрея.

— *Я не ослышался?*

— *Выходит, что да, — пожал плечами Андрей. — Странное, конечно, совпадение...*

Меня же интересовал совсем другой вопроса

— *Но вы поняли, о каком проклятии, связанном с Россией, шла речь?*

Гаптен и Андрей ответили хором:

— Нет.

— Послушайте, а где Данила? — Андрей повернулся на кресле и осмотрелся.

— Действительно, нет, — подтвердил Гаптен. — Странно. Мы тут об этой девушке столько всею новым узнали, а его нет...

Что-то внутри меня дрогнуло. Я вскочил с места и бросился искать Данилу. Первым делом я побежал в наши гостевые комнаты, потом в буфетную, в спортзал, в библиотеку. Данилы нигде не было. У меня началась паника. Я, как полоумный, мчался по длинным коридорам аналитического центра Гаптена...

— Данилу не видели? — спрашивал я, останавливая сотрудников, заглядывая в комнаты и кабинеты. — Данилу не видели?! Видели?! Давно?..

Судя по всему, мы были последними, кто видел Данилу в бункере. Никто из сотрудников аналитического центра не дал мне никакой обнадеживающей информации.

Я наткнулся на Андрея с Гаптенем в одном из коридоров, недалеко от аппаратной внешней защиты.

— Анхель, ты только не волнуйся, ладно? — попросил Гаптен, и по его тону я понял, что никаких хороших новостей для меня у них нет. — Пойдем. Я тебе покажу...

Мы вошли в аппаратную внешней защиты, где находились два человека и много мониторов. Здесь ведется видеонаблюдение за внешним контуром. Бункер расположен на территории бывшего военного полигона и огорожен бетонным забором. Вся местность вокруг забора просматривается круглосуточно. Гаптен попросил прокрутить пленку.

На пленке Данила. Он уже за пределами территории. Бежит прочь по бетонной дороге в направлении шоссе. Сотрудники внешней защиты заметили Данилу, но никто из них не подумал, что это несанкционированный и ни с кем не согласованный выход. Им и в голову это не пришло. Они, конечно, удивились, но тревогу бить не стали.

— Господи, ну куда ты, Данила? Куда?! — кричал я, глядя на монитор.

— В Нью-Йорк, — озабоченно сказал Гаптен.

— Нужно его задержать и вернуть! — воскликнул я.

Мне это казалось логичным. Ведь если человек не в себе, то его берут под опеку и защищают. А Данила не в себе. Теперь это совершенно очевидно. И он, конечно, не виноват. Нина виновата. Но что уж теперь поделать? Нужно, значит, охранять его от него самого.

Андрей высказался на этот счет просто:

— Анхель, но это ведь его право... Мы не можем.

Меня это потрясло. Меня потрясло то, что я додумался до захвата, до ареста собственного друга. А, казалось бы, логичный и прагматичный, Андрей проявил такое... Не знаю, что это, сказать — благородство, великодушие? Нет, неправильно. Понимание и доверие. Еще, может быть, уважение. Мне стало стыдно.

— Да не страшно, — сказал вдруг Гаптен... — Я поставил задачу. Его будут охранять. Как президента. Волос с головы не упадет. Боюсь я Темных. Чувствуется, они сейчас ничем не погнушаются... А до Нью-Йорка Данила все равно не доберется. Виза нужна американская, билет надо купить. Нет, никак не успеет. Никаких шансов.

— Ой ли, — Андрей озабоченно покачал головой.

На душе беспокойно. Мы вернулись в помещение центрального узла — туда, где обычно просматриваем информацию. Но связь с Нью-Йорком пока так и не установили. Мы постояли, посмотрели на серые глаза экранов.

— В Нью-Йорке сейчас утро, — сказал Гаптен. — У нас — время обеда. Пойдемте, поедим чего-нибудь.

Находясь в бункере и сутками глядя на экран, теряешь ощущение времени. Никогда не знаешь наверняка, что сейчас — день или ночь, утро или вечер. Но есть действительно хотелось. И мы отправились в буфетную.

— Нам нужно понять суть Второй Печати, — Гаптен был в замешательстве. В отсутствии Данилы именно на него ложилась вся мера ответственности за исход наших поисков. — У кого-нибудь есть соображения на этот счет?

— У меня — нет, — признался Андрей. — С Первой Печатью как-то все понятнее было. Мне, по крайней мере, так кажется. Копье Власти, первый Всадник — «и вышел он как победоносный, и чтобы победить». Все про власть — от начала и до конца. А здесь что?.. «И дано было взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга». Что это может значить? «Взять мир с земли». Я не знаю. Нет.

Гаптен повернулся ко мне:

— Анхель, а ты что думаешь?

— А я, Гаптен, думаю о Даниле, — ответил я. — Что с ним? Не случится ли чего? Беспокоюсь. Не сосредоточиться никак. И еще сейчас — с этим «задержанием»... Ну, что на меня нашло? Как вообще мне могло такое в голову прийти?! Сам не понимаю... «Давайте задержим Данилу!» Это надо же... С перепугу, наверное. Страшно мне за него. Да и сам он меня напугал. Не могу... Не знаю... Прости.

Гаптен задумался. И мне вдруг показалось, что он как-то особенно воспринял наши с Андреем слова. Он словно услышал в них что-то такое, о чем мы и не думали, когда говорили.

— Послушай, Андрей, а ты можешь дать мне психологический портрет Нины? Ты, как психолог, что думаешь?

Андрей грустно улыбнулся:

— Я надеюсь, ты меня не о диагнозе спрашиваешь? Потому что диагноз я говорить не хочу. Да он и не поможет, я думаю.

— Нет. Но скажи главное. Суть... Она же странная. Правда?

— Да у меня вообще ощущение, что это две разные женщины — одна с Раймондом, другая с Сэмом! — подтвердил я.

— Нет, женщина определено одна, — Андрей задумался. — Суть, значит... Суть в эгоцентризме. Помните Первую Скрижаль? Она об отказе от собственного «эго», от «я». Эгоцентризм — это, наоборот, усиление собственного «я».

Когда вы освобождаетесь от привязанностей, вы обретаете подлинную свободу. А главная наша привязанность — это наше представление о самих себе, то есть наше «эго».

Так вот, эгоцентрики — это люди, заикленные на своем «я» они держатся за него всеми силами, цепляются за него. Впрочем, когда я думаю об эгоцентриках, мне приходит не ум не Первая, а Вторая Скрижаль...

— О Другом? — не понял я. Андрей заметно оживился:

— Именно, Анхель! Именно! Понимаете, эгоцентрики категорически не хотят принимать другого человека таким, какой он есть. Все в этом мире должны быть только такими, как им нужно. Так, чтобы эгоцентрику было удобно. Чтобы было удобно его «эго». Понимаете?.. Не знаю, как это лучше объяснить...

Андрей посмотрел на нас, а мы на него. Он понял, что придется объяснять:

— «Эго» — это представление человека о себе и об окружающем его мире. Например, человек считает себя умным. Имеет право. Но имеет ли он право требовать от других, чтобы они думали так же? Человек, свободный от уз «эго», не рассердится, если кто-то назовет его дураком. Более того, он скажет: «Очень может быть». А эгоцентрик возненавидит того, кто назовет его глупым. Возненавидит и будет мстить — прямо или косвенно. В его мире все должны думать о нем, что он умный. В противном случае, они враги, и он объявляет им войну...

— «И дано было взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга», — тихо сказал Гаптен.

— А почему ты вспомнил именно Вторую Скрижаль Завета, а не Первую? — все еще не понимал я. — То есть не про отказ от «эго», а про то, что нужно увидеть в другом человеке Другого?

— В мире эгоцентрика другим людям предписаны определенные роли, — продолжал Андрей. — Они для них куклы, марионетки. Эгоцентрика не интересуют чувства, мнения людей. Эгоцентрик не принимает в расчет их ситуацию, их обстоятельства. Люди для них не живые. Они должны или восхищаться эгоцентриком, или умереть. Грубо говоря, конечно. Но это действительно так. Именно эгоцентрики используют это крылатое выражение: «Он для меня умер». Ну а мне всегда в таких случаях хочется спросить: «А жил ли?» Впрочем, можно не спрашивать. В мире эгоцентриков нет живых людей, отсюда и их жестокость. Они

жалеют только себя, входят только в свое положение, преследуют только свои цели. Люди для них — средства. Они неживые...

Если люди считают, что они поняли тебя правильно, это еще ничего не значит. Часто они понимают что-то свое, а не собеседника. Но пребывают в полной уверенности, что они «поняли его правильно». Поняли тебя или не поняли, можно узнать только одним способом — по поступкам. Если тебе сказали, что тебя поняли, а продолжают действовать способом, против которого ты протестовал, тебя не поняли.

— Ага! — ухмыльнулся Гаптен. — Изобразительные...

— Что? — Андрей встрепнулся. Он был так увлечен своим объяснением, пытаясь растолковать нам, что к чему, что не поймал этой шутки. — Изобразительные?

— Ну... — Гаптен для большей ясности покрутил перед собой руками. — Люди — средства. Изобразительные... Дама там у нас одна есть. Книжку пишет. И люди у нее — средства, изобразительные.

— Да, да! — подхватил Андрей. — Краски и кисти. Абсолютно! В общем, вы поняли.

Андрей облегченно вздохнул. Он всегда прилагает максимум усилий, чтобы быть понятным. Это профессиональное. Как психолог, он очень хорошо знает: если люди считают, что они поняли тебя правильно, это еще ничего не значит. Часто они понимают что-то свое, а не собеседника. Но пребывают в полной уверенности, что они «поняли его правильно». Андрей называет это иллюзией взаимопонимания.

— Поняли тебя или не поняли, можно узнать только одним способом, — говорит Андрей. — По поступкам. Если тебе сказали, что тебя поняли, а продолжают действовать способом, против которого ты выступал, тебя не поняли.

— Боже мой! — я даже вздрогнул. — Это же я только что

так с Данилой...

Я пережил шок. Когда Данила влюбился в эту Нину, он для меня словно перестал существовать. Не абсолютно, конечно. Но в каком-то смысле. Я боялся с ним разговаривать, сетовал на него. И еще я очень расстраивался, что больше на него нельзя рассчитывать. Что он неадекватен и поэтому не может принимать участия в дальнейших поисках.

Андрей так долго растолковывал нам чувства, которые испытывает влюбленный человек. А я даже не потрудился соотнести это с Данилой, с его чувствами. Словно вытеснял эту информацию: «Да, где-то там есть влюбленные люди. Да, они переживают, мучаются, мечтают изменить любимого человека... Но это не Данила. У Данилы — блажь и глупость. Ему надо Печать искать...».

Получается, я тоже эгоцентрик. Так, значит, это общий грех? Как и стремление к власти, к контролю? Другие люди — лишь средства, они мертвые. Вторая Печать! «И дано было взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга»...

— Связь восстановлена. Мы принимаем информацию! — доложил один из сотрудников Гаптена.

Мы вскочили со своих мест и бросились в центральный узел.

Нина и Сэм уже были в мастерской Клорис. Огромное, жадно залитое солнцем пространство. На пятьдесят седьмом этаже небоскреба. Вместо стен — окна от пола до потолка. А вокруг — небо. Много неба. Полное ощущение полета.

— А знаете, я летаю во время медитаций, — Нина нежно смотрела в глаза Клорис и держала ее за руку. — Вы ведь верите, что это возможно? Это настоящие путешествия! Нашего тела не существует. Мы можем летать, где и когда захотим! Я бываю в разных местах. Иногда там, где уже была. Но чаще — в неизвестных. Там интереснее. Я люблю все новое, необычное. И здесь, у вас, я уже была. Пролетала. Несколько месяцев назад. Мое тело находилось в Лондоне, а дух направился через океан.

О, Клорис!.. Путешествие над Атлантикой было фантастическим! Снизу безграничная водная гладь, сверху — такое же бескрайнее небо. И завораживающее ощущение, когда ты с бешеной скоростью мчишься над поверхностью океана. Будоражающий запах морской воды и микроскопические брызги. Кончик твоего носа всего в нескольких сантиметрах... И ты

смотришь туда, в глубину. А потом переворачиваешься, и тебе открывается небо! Теперь уже оно любит тебя твоим полетом...

И вот я так летела, летела. И мне уже хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось. Я подумала — куда я лечу? Зачем мне в Америку? Зачем мне к людям? Лучше я буду здесь, как белая чайка, кружить между океаном и небом. Но нет, что-то звало меня. Подталкивало изнутри. И я поняла, что должна, пройти этот путь. До конца. И вот — Нью-Йорк. Я не ожидала. Даже испугалась. Он был совсем темный. Зачем я здесь?!

Я пролетала между башнями небоскребов. Стало жутко. Захотелось немедленно выскользнуть из этого лабиринта. Скорее — обратно, к морю! Но вдруг я остановилась. Замерла, зависла между небоскребами. И почувствовала, что меня держит рука. Огромная, властная. Я подняла голову и увидела вторую руку — там, над океаном. Она стояла, похожая на церковь, увенчанную куполами. Между облаков, над водами.

И я как бы услышала — «Стой! Остановись!». Машинально, не знаю почему, я повернула голову... И увидела вас! Да, Клорис! Да! Я увидела вас! Я была вот здесь, прямо вот здесь, за окном. И я видела вас! И я поняла, что должна обязательно найти вашу студию. Приехать к вам. Во что бы то ни стало! И я нашла, Клорис! Я нашла!

— Странно, что это было ночью, — как-то вдруг озадачилась Клорис, подыскивая подходящее объяснение возникшей нестыковке Нининого рассказа с реальностью. — Я панически боюсь бывать здесь ночью. Но, впрочем, вы же не отсюда, вы могли не понять, перепутать. Возможно, это была и не ночь...

— Я думаю тут другое, — Нина чуть понизила голос и стала говорить тише, а ее лицо обрело заговорщицкие черты. — Возможно, это были не вы, а... ваш дух. Наши души во сне путешествуют. И, наверное, ночью ваша душа приходит сюда, чтобы творить!

Позволить
другому человеку быть
Другим, как он хочет. И
не просто допустить это,
но и остаться с ним
рядом. Не бежать прочь
вприпрыжку, спасаясь
от боли и
разочарования, а
продолжать оставаться
его другом. Каково?!

Вы поэтому и боитесь бывать здесь ночью, Клорис! Ночью тут живет ваша душа! Ночь — это ее время. Она творит, Клорис! Она творит здесь по ночам, пока ваше тело спит. Она творит, вдохновляясь потрясающим ночным видом, который открывается из этих окон!

— Вы прекрасны, Нина, прекрасны! — воскликнула Клорис. — Я так рада, что встретила вас! У вас потрясающая энергетика! Потрясающая!

— Что вы, Клорис! — замахала руками Нина. — Это вы, это все вы! Я так впечатлена нашей встречей! Все правильно! Я должна была к вам приехать! Это знак судьбы! Вы ведь верите в Судьбу, Клорис?

— Когда я вижу вас, золотце, да!

Клорис — низкорослая, полная женщина с редкими, всклокоченными, крашенными в рыжий свет волосами. На вид — лет шестьдесят, шестьдесят пять. Одета слегка мужиковато — в обтягивающие штаны, которые кажутся просто огромными. Поверх тонкой блузки, смело открывающей грудь, незастегивающийся пиджак. И множество странных украшений под самой шеей — какие-то подвески, кулоны, амулеты.

— И вы действительно пишете книгу о Саде! — продолжала восхищаться Клорис. — Невероятно! Просто невероятно! Хотите порежиссировать сегодня?

— Ну что вы! Я была бы счастлива! Но как я могу?! Нет, конечно нет! Это было бы восхитительно!

— Мальчики, — командным голосом позвала Клорис. — Раймонд, Сэм, Мартин! Живо сюда!

По разным углам комнаты отдельно друг от друга сидели трое мужчин. По зову Клорис они встали, словно зомби, и медленно подошли к двум женщинам, расположившимся на большом красном диване.

Раймонд — белый как полотно. Он не смотрит ни на Сэма, ни на Мартина. Он смотрит как-то странно перед собой. Кажется, что если рукой провести у него перед лицом, он ничего не заметит, не среагирует. В крайнем случае, потеряет сознание и упадет.

Сэм напряжен. Он самый красивый из них всех. Гнев ему идет. Мускулистый, загорелый. Желваки играют на скулах. Взгляд бешеный, как у хищника, оказавшегося в клетке. Кажется, дай ему сейчас боксерскую грушу, он и ее отправит в нокаут.

Мартин, обычно похожий на гигантскую каплю, которая свешивается неизвестно откуда и неизвестно когда упадет, сегодня, напротив, как-то особенно энергичен. Складывается впечатление, будто бы он что-то празднует. Какое-то торжество...

Он единственный смотрит на Нину.

— Каждый раз мы делаем с текстом Мисимы новое упражнение, — Клорис поднялась с дивана и взяла Нину под локоть. — Мне важна не драматургия пьесы. Это все искусственное. Мне важна драматургия текста. Как актер переживает текст. Что происходит с актером, когда он соприкасается со словами. Дорогая, я понятно рассказываю?..

— Абсолютно! И вы настолько правы! — воскликнула Нина. — Я даже думаю, что в этой пьесе и персонажей-то нет. Один сплошной текст! Как мантра. Герои созданы только для видимости. Ведь мы так никогда и не узнаем, что у них на самом деле за душой...

— Боже мой! — Клорис была в непередаваемом восторге. — Не может быть! Вы тоже так думаете! Чудо! Чудо! Мне вас Бог послал, дорогая! Право, право! Можно я вас поцелую, Нина? Можно?

— О да, конечно! Они расцеловались.

— Ну, тогда все! Все-все! — затараторила хихикающая от удовольствия Клорис. — Нина, вы все знаете лучше меня. Давайте! Я буду наслаждаться! Какой кусок вы возьмете?..

— Я думаю, — монолог графини о стране порока? — предложила Нина.

— Да! Замечательно! Прекрасный выбор! — Клорис плюхнулась на диван. — Пусть они выдергивают друг у друга фразы... Как вы думаете, Нина? Пусть вырывают!

— И даже пусть дерутся! — глаза Нины вспыхнули холодным, мертвым светом. — Валяются на полу! Рвут друг друга на части!

— Вы гений, Нина! Вы — гений! — Клорис вся светилась. — Давайте!

— Я не помню слов, — соврал Сэм. — Мне нужен текст.

Он пошел в сторону двери. Медленно, оглядываясь по сторонам, как человек, желающий показать, что он хозяин этой территории. Взял сумку, начал рыться в бумагах.

— Слова? — Раймонд, бывший до этой секунды как в ступоре, стал вдруг похож на разбуженного лунатика. — Нужны слова?.. Что мы играем?..

— «Страну порока», — ухмыльнулся Мартин, казавшийся сейчас эталоном спокойствия и душевного равновесия.

Раймонд вздрогнул, заметив Мартина рядом.

— Мне тоже нужны слова, — сказал Раймонд, отошел чуть в сторону и принялся перебирать какие-то бумаги, стопкой лежавшие у дивана.

— Мальчики! — рассердилась Клорис. — Да что с вами такое?! Куда?! Как вы забыли слова! Какая ерунда! Мы уже второй год работаем с этим текстом! Не может быть!

— Давайте я начну, а они пока вспомнят, — предложил Мартин.

— Да, пожалуйста, — сказала Нина и улыбнулась. — Только сядьте на пол. И я с вами рядом. Со слов — «Альфонс болен...» Только тихо, шепотом...

Мартин сел на пол и зашептал:

— Альфонс болен... Но если отвести от него людской гнев и приложить все усилия к исцелению... Господь смилостивится... Рано или поздно... Счастливые дни еще вернутся...

— Хорошо, очень хорошо, — прошептала Нина.

Она тоже сидела на полу, напротив Мартина. Лицом к лицу. И дикими глазами смотрела в его глаза. Он улыбался.

— Но как нам убедить больного?.. — продолжил Мартин, стелясь по полу своим грузным телом, словно змея. — Как избавить его от недуга, если недуг этот доставляет ему наслаждение?.. Болезнь маркиза сладостна, в этом все дело... Постороннему глазу его недуг кажется ужасным, но за острыми шипами скрывается благоуханная роза...

— Потрясающе... — прошептала Клорис, глядя на то, как Нина, также стелясь по полу, повторяет движения Мартина. — Раймонд, продолжай!

Раймонд сидел на корточках, рядом с диваном. По команде Клорис он поднял голову и странно посмотрел на эту извивающуюся перед ним пару — Нину и Мартина.

— Подумать только... А я ведь уже очень давно, очень давно знала, куда это приведет! — голос Раймонда дрогнул, ему показалось, что текст пьесы зазвучал в его устах слишком двусмысленно. — Я видела этот зловещий плод, ныне наполненный ядовитым соком, когда он был еще совсем зелен. Почему я не раздавила его тогда?..

— Сэм, теперь ты! — приказала замороженная Клорис.

Сэм все еще продолжал стоять у дверей, метрах в пятнадцати от остальных.

— Полагаю, что, если бы вы его раздавили, — прокричал он оттуда, — Маркиз бы просто умер! Плод, о котором вы говорите, это апельсин. Только вместо сока в нем алая кровь Альфонса... Сударыня, мой авторитет в области порока настолько велик, что имеет смысл послушать меня со вниманием...

Сэм сказал это так, словно сейчас он действительно расскажет всю правду. Правду о Нине!..

— Мартин... — прошипела Нина, требуя, чтобы он немедленно продолжал.

— Порок — это целая страна, — Мартин улыбнулся, продолжая смотреть Нине в глаза. — Страна, в которой есть абсолютно все: хижины пастухов, ветряные мельницы, ручьи, озера... Впрочем, там есть и глубокие ущелья, пышущие огнем и серой, дикие пустыни. Вы найдете там заброшенные колодцы и дремучие леса, в которых обитают хищные звери... Вы следите за моей мыслью?..

— Да! — подхватила Нина. — Это поистине необъятная страна, процветающая под покровительством небес. И что бы ни стряслось с человеком, причины следует искать там, в той стране... Я расскажу вам о своем детстве... Вы сможете лучше меня понять. Ребенком и даже позднее, уже девочкой-подростком, я смотрела на мир как бы через подзорную трубу... Но только повернутую раструбом к себе. Так научили меня родители и все окружающие... Так велит общественная мораль и традиционное воспитание...

— Я смотрела в эту перевернутую подзорную трубу, — прервал ее Раймонд и так неожиданно, так эмоционально, что все вздрогнули. — Я смотрела в эту перевернутую подворную трубу и видела очаровательные газоны, совсем крошечные, с зелененькой травкой, Вокруг нашего дома. Моей детской душе было хорошо и спокойно от этого невинного, игрушечного пейзажа. Я верила, что, когда вырасту, газоны просто станут пошире, а травка повыше. И я буду жить так же, как все вокруг — счастливо и безмятежно... Но вдруг, сударыня, в один прекрасный день со мной происходит нечто...

— Без всякого предупреждения, — кричит Сэм и, угрожающе топая ногами, идет на Нину, — без малейшего намека — просто приходит, и все! Внезапно осознаешь, что смотрела на мир не так!

— Что, оказывается, глядеть-то надо было не в большое окошечко, а в маленькое! — фальцетом кричит Раймонд и вскакивает. — И все в твоей жизни переворачивается!

В глазах Нины зло и испуг. Она переворачивается на спину и замирает, опершись на руки и поджав ноги.

— Я не знаю, когда это открытие сделал маркиз, — говорит Нина, глядя с пола на двух нависающих над нею мужчин — Раймонда и Сэма. — Но такой день был и в его жизни... Наверняка был... Неожиданно его взору открылось то, о чем он и не подозревал! Он увидел, как из далеких расщелин поднимаются языки желтого пламени... Он заглянул в кроваво-красную клыкастую пасть зверя, высунувшегося из чаши... И он понял: его мир безграничен, и есть в этом мире все. Абсолютно все! И потом ничто уже не способно было удивить маркиза...

— А марсельская история с отравленными анисовыми конфетами, которую вы упомянули, — Мартин встает с пола, как бы закрывая собой Нину от Раймонда и Сэма, — Что ж... Это совершенно невинный эпизод... Мальчик, играя, оборвал бабочке крылья... Только и всего...

Повисла тяжелая пауза. Слово смерть зашла сейчас в эту залитую солнцем студию и трижды взмахнула своими черными крыльями. Трое мужчин стояли вокруг одной лежащей на полу женщины и с ненавистью смотрели друг на друга.

— Все равно я ничего в этом не пойму, — Клорис продолжила с дивана текст пьесы. Она сказала это медленно, вдумчиво, словно догадалась, что все развернувшееся перед нею действие имеет глубокий подтекст. — Ничего не пойму... Как бы красноречиво вы ни объясняли...

— Занавес! — крикнул Мартин и, то ли по собственному решению, то ли не выдержав направленных на него взглядов, опустился, чтобы поднять с пола Нину.

Нина вскочила на ноги и отряхнулась.

— Мартин, вы потрясающий! — руки Нины были на его плечах, она смотрела Мартину в глаза и льнула к нему всем телом. — Я была просто заморожена! Величайший талант! Вы гений, Мартин!

Сэм и Раймонд стояли у нее за спиной и с ненавистью смотрели на Мартина. Сэм уже знает, что Раймонд страстно влюблен в Нину. Раймонд понял, что Сэм спал с ней, как только те появились в студии на репетиции.

Только Мартин думает, что «он их сделал» как актер...

Я был ни жив, ни мертв, посмотрев эту сцену. Да и мои друзья тоже. На пятьдесят седьмом этаже одного из нью-йоркских небоскребов сейчас происходило что-то действительно ужасное. Что-то дьявольское... Чудовищная, хищная, отрицательная энергия! Мы чувствовали ее даже здесь, в России!

Причем мы ведь получаем непрямую информацию. Она закодирована, пропущена через информационную матрицу и заново восстановлена со значительным изменением параметров. То, что мы видим, — это искусственная картинка. Но даже она излучала отрицательные волны и заставляла нас содрогаться!

— Гаптен, а что у нас с параметрами сгущения? — спросил Андрей, едва мы перевели дух.

Гаптен посмотрел на экран своего компьютера.

— Получается, — сказал он через минуту, — что если все пойдет так же, как было в случае с Копьем Власти, то до воплощения Тьмы остаются еще сутки. Да, примерно одни сутки.

В дверь постучали, и на пороге центрального узла появился один из сотрудников Гаптена — встревоженный, запыхавшийся.

— Гаптен, на Данилу совершено покушение... — выпалил он.

— Черт! Так я и знал! — закричал Гаптен. — Что с ним?!

— Да все в порядке... Но сам факт...

— А что, что случилось?! — я был в шоке.

— Автомобильная авария, — ответил молодой человек. — Мы бы подумали, что случайность, но перед этим...

— Господи, да что же такое! — у Гаптена затряслись руки. — Не томи!

— Перед этим произошел обрыв высоковольтного кабеля. Данила чуть было не пострадал. Мы нейтрализовали угрозу. Подумали, что случайность... А вот две случайности подряд...

— Да... Две темные случайности... — Гаптен схватился за голову. — Что же делать-то?

— Надо еще раз попытаться его отговорить! — сказал я. — Я уверен, что он прислушается к нашему мнению. Ведь уже есть факты!

— Но он не знает, что его охраняют? — спросил Андрей.

— Нет, не знает, — замотал головой Гаптен.

— Ему, по крайней мере, нужно об этом сказать, — Андрей серьезно посмотрел на нас с Гаптенем. — Чтобы он мог прибегнуть к помощи, если потребуется...

— Да, да! Ты совершенно прав! — согласился Гаптен. — Кто будет с ним говорить?

Повисла пятисекундная пауза. Мы были в некоторой растерянности. Я чувствовал себя неловко. Я стыдился своего прежнего желания заточить Данилу в бункере, как узника, ссылаясь на его «неадекватность». Гаптен был против ухода Данилы. Так что тот от него, по сути, сбежал...

— Могу я поговорить, — предложил Андрей. — Но я боюсь, он на меня больше всего сердится. Думаю, лучше всего будет, если это все-таки сделает Анхель.

— Да, надо мне, — согласился я.

Мобильный телефон Данилы был занят.

— Кому он может звонить? — недоумевал я. — Телефон точно у него?

Гаптен уточнил у службы охраны.

— Да, точно, — подтвердил он. — Но давайте вот что сделаем: свяжемся с руководителем группы охраны и попросим его передать Даниле трубку.

Так и сделали.

— Але, Данила? — Я безуспешно пытался скрыть дрожь в голосе. — Это Анхель.

— Вы что, следите за мной?! — Данила был вне себя от бешенства. — Господин, что передал мне трубку, это мой хвост? Я правильно понимаю?!

— Нет, Данила, нет, — сказал я и осекся. — Не следим. Не хвост. Тебя охраняют. Черт, прости! В общем, я просто хочу, чтобы ты знал: тебя охраняют. Было уже два покушения...

Я вдруг почувствовал, ком в горле. Я сглотнул, глубоко вдохнул и поморгал глазами. В трубке тишина.

— Ну и?.. — Данила все еще был рассержен.

— Ну и... просто знай, что тебя охраняют. И если тебе потребуется помощь, не тяни. Сразу обращайся к этим людям, они помогут. В общем, просто знай, что они рядом, и все.

— А улететь мне они помогут? — в раздраженном голосе Данилы мелькнула надежда.

У меня потекли слезы.

— На, Гаптен, скажи ему. — Не могу говорить. — Я передал трубку Гаптену.

— Данила, это Гаптен...

— Привет, — сухо ответил Данила.

— Данила, я не могу обеспечить безопасность полета. — У Гаптена от напряжения, от внутренней боли тряслись руки. — Никак. Ты пойми, это — небо. Технические неполадки на борту, диспетчерское обеспечение, просто террористический акт... Никак, понимаешь?

— То есть не поможете, — с показным безразличием сказал Данила. — Ладно.

Зазвучали частые, короткие гудки.

— За что?.. За что он с нами так?.. — мне вдруг стало обидно, больно и обидно.

Ужасно, когда ты не можешь помочь дорогому, близкому человеку. Ужасно, когда он совершает страшную глупость, а ты не можешь остановить его. Ужасно, когда он видит в тебе врага, а ты хотел протянуть руку помощи...

— За жестокость, — ответил Андрей.

— Что? — я не понял.

— Он с нами так за нашу жестокость, — повторил Андрей.

— Но... — я растерялся. — В чем?.. Разве мы проявили к нему жестокость? Да, мы не помогаем ему. Но мы и не можем... А то, что он делает, — это самоубийство! Его чувство — это безумие! Он влюбился в исчадие Ада, Андрей! Какая жестокость?! Мы даже не препятствуем...

— Нет, ты неправильно меня понял, — Андрей прервал мою патетическую речь и даже сделал жест рукой, что, мол, пора заканчивать.

А я к этому моменту так разошелся, что уже не мог остановиться. Меня как прорвало.

— Я не эту жестокость имел в виду, — несколько раз повторил Андрей.

— А какую?..

— К ней... К Нине, — ответил Андрей.

— Она же страдает, а Данила это чувствует.

— Она страдает?! — я не верил своим ушам. — Это от нее страдают!!!

— Страдает, страдает, — покачал головой Андрей.

— Да с чего ей страдать-то! — мне показалось, что я схожу с ума, — Неужели ты это серьезно?! Я просто не могу в это поверить! Ты это говоришь?!

— Страдает, Анхель, страдает, — Андрей был спокоен и абсолютно уверен в том, что говорит. — Ты подумай, Анхель, она же совсем одна. Совсем. В ее мире одни куклы. Маленькая

девочка играет с куклами. А куклы еще и злые, они ее не любят, они на нее нападают, они желают ей зла. Маленькая, несчастная девочка...

— Но она чудовище! — почти закричал я.

— Да, она еще и чудовище, — согласился Андрей. — Невинна и жестока. Как любой эгоцентрик. Она знает только свою боль... И ей больно. Но чтобы сострадать ее боли, ее нужно любить. Она так живет — ее или любят, или ненавидят. Данила любит, ты — ненавидишь.

В жизни слишком мало жизни. Мы так живем — без эмоции. Без драмы, можно сказать. Без сильных чувств. Такое время. Современный человек перегружен информацией, она его давит. И поэтому мы почти не способны переживать счастье. Страх — да, боль — да, горе — да. А на счастье... На счастье у нас легкости не хватает. Тяжелыми мы стали...

— А ты?..

— А я... — Андрей задумался.

Он думал. Долго. Мне показалось, прошла вечность. Две вечности, три. Он не ответит. Просто не ответит — и все. Да и что он может чувствовать?.. Для него это рядовой случай. Ему не привыкать. В своей практике он сталкивался с этим тысячу раз...

Тысячу раз?! Во мне вдруг что-то перевернулось. Шок. Я смотрю на Данилу, на то, какие глупости он вытворяет, и мне невыносимо больно. Но я смотрю на одного Данилу! А Андрей пропустил через себя десятки, сотни, тысячи искалеченных судеб.

Человек все делает неправильно, а ему нельзя сказать «нет», «прекрати», просто «не делай этого». Нельзя, потому что и это неправильно. Он Другой. Это его право.

Позволить другому человеку быть Другим, как он хочет. И не просто допустить это, но и остаться с ним рядом. Не бежать прочь вприпрыжку, спасаясь от боли и разочарования, а продолжать оставаться его другом. Каково?!

Андрей поднял глаза. У него большие темные глаза. Когда он весел, они кажутся серыми. Когда сосредоточен — карими. А

когда устал — зелеными. Андрей посмотрел на меня изумрудно-зелеными глазами.

— Что я чувствую?.. Бессилие.

Раймонд смотрел ей в глаза. У Нины прекрасные глаза. Она сама не знает, какие у нее прекрасные глаза. Она говорит, что любит себя. Но это неправда. Раймонд любит Нину. Вот это правда. Он понял это. Понял, что любит ее, сегодня, во время этой странной, ужасной, глупой репетиции. Он столько пережил за последние дни, столько передумал... А сегодня, наконец, все встало на свои места.

Он смотрел на Нину, когда она пришла. Смотрел не отрываясь. Она была измучена, истощена, вывернута наизнанку. Своим цинизмом Сэм вынул из нее душу! Конечно, у нее ведь такая светлая и ранимая душа. Он умеет. А потом Мартин... Это чудовище. Ничтожество и чудовище. Теперь Раймонд даже руки ему не подаст. Никогда! Господи, а Нине пришлось валяться с ним на полу и пытаться быть милой!

Но ничего, Раймонд заберет Нину и спрячет. Да, он спрячет ее от мира, от всех этих людей. Мир всегда был жесток к Нине.

Она переплыла океан боли. Но нет, теперь все изменится. Раймонд будет о ней заботиться. Он будет работать, а Нина сможет писать свои книги. Спокойно, ни о чем не думая. Конечно, ее книга станет бестселлером. Конечно! Но даже если и нет — не беда! Не это главное. Главное, чтобы ей было хорошо.

А Нине будет хорошо. Обязательно! Потому что Раймонд все сделает. Все. Ведь он ее любит. И даже если еще вчера он сомневался, не был уверен, то теперь он знает, знает точно — он любит Нину. Любит, как никто другой. И он вернет ее. Он скажет ей, как он ее любит... Как она ему дорога... Как ему важно, чтобы она была с ним... Всегда. Он будет защищать и любить ее, он сделает ее счастливой...

Но почему она связалась с Сэмом? Это опрометчиво. Это очень опрометчиво! Он же обычный бабник! Просто пользуется женщинами. Он их не любит. Он упражняется с ними. Он таким образом сам себе доказывает собственную мужскую состоятельность. У него даже

блокнот есть, в который он записывает всех своих бесчисленных сексуальных партнерш. Это целый телефонный справочник!

— Почему, Нина?! Почему ты с ним?! — Раймонд наконец задал Нине этот, мучивший его вопрос.

Ему удалось вывести ее на лестницу и поговорить.

— Ты не понимаешь, я пишу книгу! — жестко, холодно прошипела Нина и стала как-то уходить, отодвигаться от Раймонда.

— Что с того, Нина?! — он растерялся. — Ты с ним спала! А ему на тебя наплевать. А я люблю тебя, Нина... Понимаешь — люблю!

— Вот, вот! — закричала она и отошла еще дальше, к лифтам.

— Что «вот-вот»?! —

— Ты должен был так сказать! — Нина тыкала в Раймонда пальцем. — Так в моей книге!

— Нина, что ты говоришь?! Что ты говоришь, Нина?! — на глазах у Раймонда выступили слезы. — В какой книге?! О чем ты? Я же люблю тебя! Вот ты, а вот — я. И я люблю тебя. Какая книга? При чем тут книга?..

— Любишь?! Ты это так называешь?! Да ты просто эгоист, Раймонд! Ты просто эгоист! Ты не понимаешь, насколько это для меня важно! Как это для меня важно! Дико важно! О чем мы с тобой говорили?! О чем?!

Раймонд растерянно помотал головой:

— О чем мы с тобой говорили, Нина?

— Ты должен любить себя! Понимаешь?! — заорала Нина. Она наклонилась вперед, словно от острой боли в животе, и схватила себя за волосы. — Я столько сил потратила, чтобы объяснить тебе это! Столько сил! Всю душу! Ты должен любить себя! Иначе ты будешь ужасным актером! Ужасным!

— Господи, Нина, но причем тут это? — Раймонд бессильно, непонимающе улыбнулся. — Я тебе о другом говорю... Тебе не понравилось, как я сыграл сейчас? Но я ведь и не играл. Я думал о тебе, Нина.

— А ты должен думать о себе! — у Нины началась настоящая истерика. — Понимаешь, Раймонд?! Ты должен думать о себе! Ты должен быть средоточием энергии. Центром силы. Чтобы тобой хотелось любоваться. Понимаешь?! Я могу любить только талант, Раймонд. Я не могу любить просто человека! Для этого я слишком люблю себя!

— Но я хороший актер, Нина... Нормальный... — от ужаса Раймонд даже попятился. — Ты же сама говорила три дня назад...

— Что я говорила?! — черты ее лица заострились: губы натянулись и стали тонкими, брови выгнулись, глаза превратились в щелки. — Я говорила, что ты должен любить себя, Раймонд! Вот, что я говорила! Ты просто вампир! Ты — вампир! Ты выжал из меня энергию! Покушал и выплюнул! Когда я смотрела на твою игру сегодня... Это было ужасно! Ты разочаровал меня! Разочаровал! Я чувствую себя грязной с тобой! Я чувствую себя грязной!

— Нина, пожалуйста... — у Раймонда полились слезы.

Он сделал несколько шагов к ней навстречу. Он протянул к ней руки. Словно его прикосновение все изменит...

— Ты уничтожил мою жизнь! Уничтожил! Я думала, ты актер... Моя книга...

— Но я хороший актер, Нина, правда, — Раймонд говорил не шепотом, но тихо, еле слышно — слезы сдавили ему горло.

— Но я не верю тебе, Раймонд! Понимаешь — не верю!

— Но как мне доказать тебе, Нина? — его руки опустились, повисли, как плети. Он пытался поднять их, но тщетно — в них словно залили тонну свинца. — Как мне доказать тебе это? Нина...

Раймонд судорожно пытался понять, что он может сделать. Как ему успокоить Нину? Как доказать ей, что он хороший актер? Это же так субъективно, так индивидуально... Показать записи? Попросить кого-нибудь рассказать о его работах? Кого-нибудь из режиссеров? Кого-нибудь, с кем он играл? Нет, это глупо. Как ему доказать?! Это же настолько личное... Но ведь она же сама... Еще несколько дней назад она говорила о его таланте, восхищалась его

этюдами... Что случилось? Неужели он так плохо сыграл сейчас? Но он и не играл! Он думал совсем о другом. Совсем! Он думал о ней — о Нине!

— Нина, а кто хороший актер? Кто?! Может быть, Мартин? Или Сэм? О чем ты вообще говоришь?!

— Да, да! — заорала Нина и затопала ногами. — Да, Мартин гениальный актер! Просто гениальный! То, что он сейчас делал — это что-то особенное! Особенное! Я была потрясена! Он — чудо! Я влюбилась в него! Просто влюбилась! Он — гений!

— Мартин?.. — Раймонд потерял дар речи. — Постой, ты это серьезно? Мартин?..

— Ах, вот вы где! — довольный Мартин появился из дверей студии. — Скучаете?..

— Мартин, пожалуйста, заberi меня отсюда, — Нина кинулась по направлению к двери. — Мартин, я не могу здесь находиться. Я задыхаюсь, Мартин! Заberi меня отсюда!

— Да-да, конечно! — Мартин засуетился, как рождественский гусь перед закланием.

Эта ассоциация с рождественским гусем возникла у Раймонда случайно, но она была настолько точной, настолько ясной и осязаемой, что он даже вздрогнул.

— Мартин, она убьет тебя. Мартин, она убьет... — сказал вдруг Раймонд.

Он сказал это случайно. Сам не ожидал от себя такого. Не понимал, почему это пришло ему в голову. Но он вдруг настолько отчетливо увидел Мартина — зафаршированного, на противне, в фольге, с приправами...

— Сейчас, только возьму сумку, — Мартин его не слышал, он был слишком воодушевлен.

Благодаря Нине он за десять секунд превратился из привычного неудачника и аутсайдера в звезду их театральной группы. Конечно! А как же иначе! Он ведь — талант! Просто его никто не слушал. Да и вообще, как с ними, со всеми ними...

— Что у вас тут происходит? — на лестницу вышел и Сэм. — Нина, ты уходишь?

— Я не могу находиться в одном помещении с такими людьми. Это омерзительно. Примитивные существа, — Нина говорила тихо, но с невероятной силой, глядя в пол и как-то странно заступая за Мартина. — Мне просто плохо. Мне просто физически становится плохо. Мартин...

— Все, в лифт, — скомандовал Мартин. — Уезжаем. Пока! До завтра.

Двери лифта закрылись. Они остались на площадке вдвоем — Сэм и Раймонд.

— Вот сучка! — зло сказал Сэм. — Нравятся тебе «медведи», значит. Все понятно.

— Не смей! — закричал Раймонд. — Ты ничего не понимаешь!

Часть третья

Второй за сегодня нерешительный стук в дверь центрального узла ничего хорошего не предвещал. Гаптен, Андрей и я синхронно повернулись в креслах и уставились на дверь. В комнату вошел тот же молодой человек, который недавно докладывал Гаптenu о покушениях на Данилу.

Секунду он собирался с духом и выпалил:

— Данила летит в США.

— Нет, Миша, Данила не летит в США. Ты что-то путаешь... — Гаптен облегченно выдохнул, расправил плечи и повернулся к экранам. — Напугаешь тоже...

— Нет, я ничего не путаю, — тихо сказал Михаил. — У него есть и билет, и виза...

— Как?! — Гаптен открыл рот и больше не мог вымолвить ни слова.

— Он созвонился с Никитой, и они все это сделали через его знакомых. По дипломатическим каналам.

Любить себя — это стремиться к счастью. Желать себе счастья. А для этого вокруг тебя должны быть люди, которые тоже счастливы. Тот, кто любит по-настоящему, как надо, окружает себя счастливыми людьми. И главное, он делает их такими. А иначе — как.

— С Никитой?.. — удивился я. — С каким Никитой?
— Ну, Никита, — Миша покрутил рукой в воздухе. — Муж Кристины. Вылет через шесть часов.

— Это конец, — тихо сказал Гаптен. Воцарилась гробовая тишина, в которой повисло надсадное, невозможное, отринутое уже нами решение — схватить Данилу и не пускать никуда. Спасти. Во что бы то ни стало спасти...

Я слышал, как бьется мое сердце: «Туффф-туф. Туффф-туф. Туффф-туф». Мой друг, мой самый близкий человек отправляется на верную смерть. И я уже даже не думаю, что этот поступок — абсолютное ребячество, что он бессмысленный, ошибочный. Я думаю только о том, что сейчас Данила еще жив — где-то ходит, что-то делает, чувствует, о чем-то думает. А пройдет шесть-семь часов — и его больше не будет. Никогда.

И как-то ужасно больно защемило в груди.захотелось увидеть его. Просто поговорить с ним. Посмотреть ему в глаза. Сказать, что я очень его люблю, что он очень мне дорог, что я буду помнить о нем всегда... Плачу. Плачу, как дурак. Оплакиваю того, кто еще жив, здоров и невредим. Но от этого, от глупости этой ситуации, от нелепости этих слез как-то еще горестнее и больнее.

Неужели все так?.. Нечестно. Несправедливо.

— Гаптен, я бы хотел поговорить со Свами Брахманандой, — сказал вдруг Андрей. — Это можно устроить?

— Со Свами? — Гаптен недоуменно посмотрел на Андрея. — А смысл? Он не будет нам помогать. Это абсолютно точно. Это даже не дело принципа... Я не знаю, как это сказать. В общем, он архитектор Баланса Силы. Он Его создавал, он потратил на Него всю свою жизнь, он, наконец, в Него верит. А мы все разрушили... Не знаю.

Когда Седьмая Скрижаль была найдена, Гаптен принял решение перейти на сторону Светлых. Это и нарушило Баланс Силы. Гаптен сделал это ради нас, ради Данилы, в которого он поверил. Он сделал это, искренне веря в возможность победы Света. Но сейчас факты говорят об обратном. Получается, что прав был Свами, который предостерегал Гаптена, просил не делать этого. Поступок Гаптена не остановил воплощение Тьмы, а Избранник вот-вот погибнет.

Формально, в этом виноват именно Гаптен. Ему следовало оставаться в рамках Баланса Силы. Тогда бы ни Темные, ни Светлые не имели бы преимущества, и не было бы этой войны. То, что Светлых стало больше, как оказалось, ничего не меняет. С нарушением Баланса Силы Темные получили полную свободу действий. Больше их не связывают никакие обязательства. И разумеется, они не будут стесняться в выборе средств.. Сейчас они просто устранят Избранника...

Время все ставит на свои места.

Свами любит повторять: «Мы знаем все, кроме будущего». Но именно он и сказал, что так будет. Значит, исход, действительно, был абсолютно очевиден и предрешен. Что же теперь делать Гаптену? Просить Свами, чтобы он принял Андрея? И по какому поводу?.. Из-за угрозы воплощения Тьмы! Безумие. Нет, Свами даже слушать его не станет. Он придерживается нейтралитета.

— Можно?.. — Андрей повторил свою просьбу, повторил мягко, аккуратно. — Один на один.

— Можно пробовать, — согласился Гаптен.

Нельзя было не понять, насколько трудно далось ему это решение.

Начались долгие переговоры о возможной встрече Андрея со Свами. Мы с Андреем в этих переговорах не участвовали. А информационной связи с Нью-Йорком пока не было. Поэтому мы отправились в свои гостевые комнаты.

— Андрей, можно у тебя посидеть? Мне было тяжело находиться одному. На сердце тревога.

— Конечно, — согласился Андрей.

Мы сидели в его комнате и молчали. Я думал узнать у него, как он собирается построить беседу со Свами. О чем будет с ним говорить. Но не решился.

— Андрей, а почему ты не попытался переубедить Данилу? — спросил я. — Ты бы ведь смог. Ты можешь. Я знаю.

Андрей печально улыбнулся:

— Не думаю. Да и потом, он же любит...

— Но он же заблуждается! — возмутился я. — Он заблуждается! Я уверен. Если бы он понимает, кто Нина на самом деле, он бы не смог полюбить ее. Просто не смог! Он не такой человек!

— Но он любит...

— Но разве нельзя что-то с этим сделать?! — я все еще надеялся — вдруг Андрей даст какую-нибудь идею, подсказку, зацепку, которая поможет нам вразумить Данилу.

— Анхель, даже если бы и можно было что-то сделать, я бы не смог.

— Не смог? — я оторопел.

— В жизни, Анхель, слишком мало жизни, — пожал мечами Андрей. — Понимаешь? Мы так живем — без эмоции. Без драйва, можно сказать. Без сильных чувств. Такое время. Современный человек перегружен информацией, она его давит. И поэтому мы почти не способны переживать счастье. Страх — да, боль — да, горе — да. А на счастье... На счастье у нас легкости не хватает. Тяжелыми мы стали, Анхель.

Современный человек — он как циста, как амеба, которая скрывается за жесткой кожурой от агрессивной внешней среды. Такая, знаешь, у нас внутренняя спячка... Мы инкапсулированы, зажаты. Мы словно умерли. Умерли и ждем своего нового рождения, новой, будущей жизни. В которой, мы мечтаем, все будет по-другому — свет, радость, вдохновение, любовь. Но будет ли, Анхель? Не иллюзия ли это?

И вот ты мне говоришь: «А давай мы лишим Данилу любви, потому что он не ту женщину любит!» А я слышу в твоих словах: «А давай запретим Даниле дышать, плохой вокруг него воздух!» Да какой бы он ни был, Анхель! У Данилы сейчас счастье! Странное, полное горечи и боли, страха и отчаяния, но счастье. Сильное, острое, жгучее. Жизнь! Как можно с этим бороться? Я не могу.

В том, что говорил Андрей, была правда. Ему удалось как-то очень просто и в то же время точно сказать обо всех нас. Да, мы боремся за Свет, мы думаем о светлом будущем, но счастливы ли мы? И сделает ли Свет нас счастливыми, дадут ли нам счастье Скрижали Завета, если мы сами не научились прежде жить и радоваться жизни?..

— Андрей, — Гаптен распахнул дверь. — Свами ждет. В зале Двадцати Четырех.

Андрей встречался со Свами Брахманандой в зале Двадцати Четырех. В том самом, в котором совсем недавно индус объявил о низложении Баланса Силы. Сеанс телемоста. Андрей и Свами разговаривали с экранами, с изображениями, находясь друг от друга за тысячи километров.

— О чем они могут так долго разговаривать?! Уже второй час! — спрашивал у меня Гаптен, буквально не отходя от дверей зала Двадцати Четырех.

Этот вопрос был риторическим. Я мог не отвечать.

Гаптен ужасно нервничал. Ходил взад-вперед по коридору, беспрестанно оглядываясь на дверь зала Двадцати Четырех. Как тигр в клетке. А я уже устал нервничать. Просто устал. Физически. Словно перегорел. Мы не знаем, что нам делать. Мы как будто парализованы. Как остановить воплощение Тьмы?.. Как спасти Данилу?..

Ощущение, будто сидишь в камере смертника и смотришь в окно, которое выходит во внутренний двор тюрьмы. А там чередой идут казни. Одна за другой. Сначала тебя охватывает ужас, паника, потом страх. А еще через какое-то время привыкаешь. Сидишь и спокойно ждешь. Сейчас дверь откроется, и тебя попросят на выход. Апатия.

— Андрей! — закричал Гаптен. Андрей вышел в коридор, закрыл за собой дверь и в изнеможении прислонился к ней спиной.

— Ну что?! О чем-то договорились? Он поможет — на перебой кричали мы с Гаптенем.

— Не поможет, — спокойно ответил Андрей.

Мне показалось, что я сейчас умру. Последняя надежда... Все.

— Но с Данилой все будет в порядке, — улыбнулся Андрей.

— Да?! Да?! — я готов был сойти с ума от счастья. — Правда?!

Немыслимое, невозможное! Случилось!

— А как? Как?! Что?! — принялся расспрашивать Гаптен.

В начале беседы Свами был настроен крайне недружелюбно. И сказал, что не хочет обсуждать сложившееся положение дел. Андрей удивился, почему, в таком случае, Свами согласился на эту встречу. Старик ответил, что исключительно из расположения к самому Андрею. Но говорить им, по большому счету, не о чем.

«Все происходит так, как и должно происходить, — сказал Свами. — Обсуждать последствия бессмысленно хотя бы потому, что они были известны заранее».

Свами всем все сказал. Каждый знал, на что шел. Закон Кармы никто не отменял. Каждое действие влечет за собой последствия.

«И если вы собрались бороться со Злом, вы Его встретите» — сказал архитектор Баланса Силы.

Андрей слушал старика, и со всем соглашался.

— Ну так как же? — беспокоился я. — Как вы договорились по поводу Данилы?

— Я ему честно признался, что я обращаюсь к нему по личному вопросу, — объяснил Андрей. — Я сказал ему, что Данила мой друг. Для кого-то, может быть, он Избранный, для кого-то еще кто-то. А для меня он просто друг. Человек, который мне очень дорог. И вообще, очень хороший человек. И вот этот хороший человек — не Избранник, а человек — попал в беду. Серьезную. Объяснил, в какую. Впрочем, Свами и так все знал.

А потом я сказал, что знаю только одного человека, который может помочь мне. Этот человек — Свами. И еще я понимаю, что если Свами не поможет моему другу, ему — моему другу — уже никто не сможет помочь. И поэтому я обращаюсь к Свами с личной просьбой, по поводу моего друга, которому очень нужно добраться на другой континент, а есть большая опасность, что его убьют.

Я слушал Андрея и ничего не мог понять. Что именно из всей этой речи подействовало на Свами Брахмананду? Совершенно очевидные вещи. И я бы мог так сказать...

— Блеск! Замечательно! — воскликнул Гаптен. — Супер!

— Я чего-то не понимаю? — я недоуменно уставился на Гаптена. — Это фокус какой-то? Почему Свами согласился помочь?

— Анхель, проснись! — рассмеялся Гаптен. — Свами не может нам помочь. Мы Светлые, понимаешь? Он соблюдает нейтралитет. Он архитектор Баланса Силы! Он не может нас поддержать!

— Ну, и... — я продолжал с тем же недоумением смотреть на Гаптена.

— Ну, и... Андрей сказал ему: «Свами, уважаемый, у меня есть друг. И этот друг попал в беду. Помогите мне, пожалуйста! Я должен его выручить». Понимаешь, не Избранник, не Светлый, а его друг. Просто его друг/ Понятно?!

— Ах, да! Понятно! — до меня наконец дошло. — И как он собирается защитить Данилу?

— Да, кстати, — Гаптен обернулся и вопросительно уставился на Андрея. — Как?..

— Просто возьмет его под защиту, — объяснил Андрей. — Я бы даже сказал покровительство.

— Не сработает! — Гаптен в отчаянии хлопнул себя рукой по голове. Шумная радость мгновенно сменилась тревогой. — Темным наплевать на его покровительство. Собьют самолет ко всем чертям!

— А Свами собьют? — спросил Андрей и хитро подмигнул.

— Не понял? — Гаптен снова озаботился.

— Говорю: Свами они собьют? Если в самолете будет лететь Свами, собьют?

— Не может быть! — воскликнул Гаптен. — Да?! Правда?!

— Правда, правда... — Андрей сиял от радости.

— Я всегда знал! Я всегда знал, что он такой! — кричал Гаптен и прыгал вдоль всего коридора. — Я всегда знал! Великий Свами! Свами Великий!

— Да что вы радуетесь-то?.. — я совсем запутался. — Объясните мне.

— Анхель, Свами возьмет Данилу на борт своего самолета и сам доставит его в Нью-Йорк! Понятно теперь? Сам! А его-то Темные не тронут. Это точно!

Радость зазвучала у меня в душе тысячью серебряных колокольчиков. Я вдруг почувствовал себя самым счастливым человеком на свете! Самым счастливым! Мне хотелось прыгать от счастья, благодарить Андрея, качать его на руках и еще не знаю что! Я был счастлив! Мы были счастливы!

— Эй, друзья! — прикрикнул Андрей, глядя на наше эмоциональное безумство. — Приходите уже в себя! Что с Печатью-то будем делать? Надо как-то на троих решать. Данилы нет и не будет. Какие идеи?..

— Я думаю, надо все-таки понять, что там в этой Ниной книге, — предположил я.

— Анхель, нет никакой книги, — уверенно сказал Андрей. — Забудь.

— Как нет, откуда ты знаешь? — удивился я. — Свами сказал?

— Нет, не Свами, — Андрей отрицательно замотал головой. — Но разве это не очевидно? У нее какой-то другой план. Книга — это так, красивое прикрытие. Одно из многих в ее арсенале... Гаптен, кстати, а мы не можем попробовать наладить информационный канал через Нину? Очень бы хотелось знать, что у нее на самом деле в голове происходит.

— Уже пытались, — ответил Гаптен. — Безрезультатно. Попрошу, чтобы продолжили попытки. Вдруг смогут... И надо еще Данилу проинформировать, в какой компании он летит...

Гаптен ушел заниматься этими вопросами, а мы вернулись в центральный узел.

Мартин повел Нину к себе. Дома у него уютно, спокойно. Можно посидеть, поговорить. Вообще, он был очень доволен. Очень. Сегодня день удался. Рядом с ним шикарная женщина — красивая, яркая, умная, со вкусом. И, судя по всему, состоятельная. Нина сказала, что зарабатывает все сама, но, как говорится в таких случаях, «только на жизнь». Богатой наследнице престарелых родителей особенно беспокоится не о чем.

Мартин точно знает, что Нина на него запала. Если женщина на тебя запала, это ведь сразу видно. И еще понятно, что это нормальная женщина. Мартин знает это абсолютно определенно — он нравится именно нормальным женщинам. Это как диагностический признак. Если он женщине нравится, значит, это женщина, что надо. А если она ведет себя капризно, глупо, чего-то от него хочет, чем-то не довольна — у нее проблемы.

Да и Мартин много раз в этом убеждался: если женщина его игнорирует, значит, что-то с ней не так, проблемы у нее. Он — умный, талантливый, душевный, решительный. У него есть все, что нужно нормальной, хорошей женщине. Что еще может быть нужно? Поэтому, если он женщине не нравится, это плохо характеризует саму женщину. Только и всего. А бегать за ними — вообще глупо. Правильные сами прибегают.

И вот Нина. Она увидела его — и сразу в глазах огонь вспыхнул, страсть. Конечно, после Сэма-то... По сравнению с ним Мартин вообще — находка! Сэм поверхностный. Он не может глубоко смотреть, анализировать. А как актер — он техничный. Сыграет все что угодно, любую роль. Потому что не проникает в суть роли, пьесы. Не понимает, что играет, зачем играет. И вечная улыбка превосходства на лице... Мартин его не уважает.

Или вот, например, Раймонд. Он парень-то неплохой. Но хилый. Все женщины, которые у него были (по крайней мере, те, которых знал Мартин), им помыкали. Он перед ними вечно распластается и ползает на брюхе. Находит какую-то уникальность и восхищается. В какой угодно! И даже чем дурнее баба, тем большую уникальность он в ней находит. Впрочем, и не мудрено! Мудрено то, что он ею восхищается...

Мартин бы эдакую дурь из нее просто выбил. Женщина не должна мужиком помыкать.

Это просто глупость. Порядок должен быть во всем. И понятно, что мужчина в семье — главный. А весь этот феминизм... Мартин относится к нему с пренебрежением. Он и к черным так относится, и к гомосексуалистам, и к феминисткам. Он хороший, нормальный техасский парень. На таких Америка держится!

Но он еще и талантлив... Если он захочет, он любые деньги сможет зарабатывать. Только ему не надо, ему искусство важнее...

— *Послушайте, а что здесь у вас происходит?* — Гаптен застыл в изумлении на пороге центрального узла.

Мы с Андреем просматривали очередной блок данных, полученных через информационную матрицу.

— *Да вот,* — *развел руками Андрей.* — *Слушаем рассуждения Мартина о жизни... Что-то вроде классического — «о времени и о себе».*

— *Да,* — *подхватил я.* — *Потрясающее сомнение, при отчаянном желании не показаться самому себе выскочкой. И все это у него в голове крутится, крутится! Остановился бы хоть на минуту!*

— *В общем, нельзя сказать, что мы тут увлекательно проводим время,* — *улыбнулся Андрей.* — *Но пока это все, что у нас есть. А как у тебя?*

— *Пытаемся понять, как до Нины добраться. Пока не получается,* — *ответил Гаптен, подсаживаясь к столу.* — *А я захожу к вам и смотрю — что такое?! Ерунда какая-то. А это, оказывается, Мартин рассуждает... Кстати, а с кем сейчас Нина?*

— *Да вот же она, с Мартином,* — *я удивился, что Гаптен не заметил ее на экране.*

— *Она, что, молчит?..* — *не поверил Гаптен.*

Действительно, Нина вела себя как-то странно. До сих пор активная, напряженная, даже агрессивная, теперь она казалась чуть ли не шелковой. Что с ней случилось?

— *Но она же под всех всегда подстраивается,* — *пожал плечами Андрей.* — *Вы что, не заметили?*

Мы с Гаптенем переглянулись.

— *Ну правда,* — *Андрей выглядел обескураженным.* — *С Раймондом она трагична. Все навзрыд, все с истерикой, со слезами. Это все для Раймонда. С Сэмом Нина, наоборот, холодна — жесткая, агрессивная. Он сам, как Нарцисс, и она с ним — как Нарцисс. Даже с Клорис она была другой — такой восторженной барышней. А с Мартином молчит, сидит тихо. Мартину того только и надо.*

— *Постой,* — *прервал его Гаптен,* — *но ведь она постоянно говорила: «Я люблю себя! Я люблю себя!» Как это сочетается одно с другим?.. Я сейчас послушал тебя — действительно, она, как хамелеон, под всех подстраивается. Но это странно для человека, который любит себя... Разве нет?*

— *Это просто ее манипуляции,* — *вставил я.* — *И, конечно, она делает это в каких-то своих целях. Непонятно, правда, в каких, но понятно, что для себя. А раз так, то, конечно, она себя любит! Вне всякого сомнения. Я здесь не вижу никакого противоречия, Гаптен.*

— *Нет, Анхель, она себя не любит,* — *возразил Андрей.* — *Она совсем себя не любит! Разве так любят?! Она вся напряжена. Страдает, мучается. Постоянно играет кого-то. И ведь совсем одна, совсем. Мне ее даже жалко. А вам нет?..*

Нам с Гаптенем не было ее жалко. В себе я уверен, а то, что Гаптену не жалко, я понял по выражению его глаз. Но мы не стали уточнять свое отношение к Нине. Андрей и так все поймет. А сейчас лучше пусть он сам говорит.

— *Любить себя — это стремиться к счастью. Желать себе счастья. А для этого вокруг тебя должны быть люди, которые тоже счастливы. Тот, кто любит по-настоящему, как надо, окружает себя счастливыми людьми. И, главное, он делает их такими. А иначе — как? И теперь посмотрите на Нину... Нет, она себя не любит, совсем,* — *Андрей с грустью обвел глазами экран.* — *Вот что она со всеми ними делает? Зачем?.. За всей этой суматохой, мне кажется, мы не заметили главного. Это ей угрожает опасность. Ей!*

Я был поражен. Слова Андрея подействовали на меня странным образом. Действительно, она же абсолютно несчастна. Все, что мы знаем о Нине, свидетельствует

именно об этом. Но наш страх за Данилу настроил нас против нее. Наше нежелание делиться с ней своим другом застало нам глаза. И ведь она поступает так со всеми. Она ведет себя ужасно, и в результате ее никто не любит, ее ненавидят. И ей плохо от этого, ей ужасно плохо!

— Так ей влюбиться нужно,.. — прошептал я.

Гантен посмотрел сначала на меня, потом на Андрея:

— Данила?..

— Я люблю тебя, Мартин, — шептала Нина и гладила его по волосам. — Я люблю тебя.

Мартину было приятно это слышать. Он становился пунцовым, чувствовал, что щеки его краснеют, и испытывал в связи с этим неловкость.

— У меня никогда не было такого любовника, — Нина прижималась к нему всем телом и чуть не плакала. — Ты меня чувствуешь. Ты делаешь это так... У меня нет слов... Я люблю тебя, Мартин!

Мартин, действительно, хороший любовник. Он считает, что секс — это искусство. И чтобы достичь успеха в этом искусстве, необходима особенная наблюдательность. Подсматривая за женщиной, за тем как она себя ведет, как говорит, как прикасается к своему телу, Мартин с точностью определяет, что именно нужно сделать, чтобы отправить ее на вершину блаженства.

— У меня странное желание, Мартин, — Нина поднимается над ним, закрывая свою обнаженную грудь простыней. — Я впервые захотела ребенка. Я подумала, как это, наверное, замечательно — иметь ребенка от тебя...

Мартин точно знает: если женщина хочет от тебя ребенка, значит, она тебя любит. И вообще, она нормальная женщина. Женщина должна думать о ребенке и о муже. Ей больше не нужно ни о чем думать. Лишнее. Мартину, кстати, тоже уже хочется детей. Он представляет себе, как он будет их воспитывать. Он научит их жить правильно. Они вырастут хорошими людьми. Такими, как Мартин.

— Мартин, почему ты молчишь? — на лице Нины испуг.

— А что мне тебе сказать, Нина? — удивляется Мартин. — Я тебя тоже люблю.

Странная тень пробегает по лицу Нины. Она поворачивается к окну, смотрит в темноту ночи и прислушивается к шуму дождя.

— Раймонд, это ты?! — Сэм удивлен и испуган, но старается выглядеть беззаботным.

Раймонд стоит на улице напротив дома, где живет Мартин, и смотрит вверх, в его квартиры.

— Сэм?.. — Раймонд испуган и удивление меньше Сэма, но, в отличие от него, и не пытается казаться благодушным. Он понимает, что это почти невозможно, даже с опытом двух театральных школ за плечами. — Что ты здесь делаешь?..

— А ты? — рассмеялся Сэм. — Вероятно, мы делаем здесь одно и то же.

— Да? — Раймонд прищурился. — Не уверен.

— А если я тебе скажу, что я устал от Мартина, как ты на это среагируешь? — Сэм посмотрел Раймонду в глаза — пристально, испытующе.

— Я тоже устал от Мартина, — Раймонд едва заметно кивнул головой.

— Ну, вот я и говорю, что мы делаем здесь одно и то же...

— Сэм, но ты ведь не любишь Нину, — у Раймонда вдруг резко усиливается зуд, ему жжет руки, шею, бока. — Скажи мне, правда, не любишь?

— Нет, не люблю, Раймонд. Но еще больше я не люблю Мартина.

— Да, вероятно, ты прав, — согласился Раймонд. — Мы делаем здесь почти одно и то же... А ты знаешь, что в студии Клорис центральное окно открывается?

— Да, — оживает Сэм. — Там есть небольшая кнопка, темно-синяя. Она управляет штырьком, который фиксирует окно в закрытом состоянии. А если убрать эту кнопку, то окно будет казаться закрытым, однако при малейшем надавливании оно выпустит человека...

— Некоторым людям не мешает прогуляться, — Раймонд словно случайно бросает взгляд на окно в квартире Мартина.

— Совершенно с тобой согласен, — кивает головой Сэм.

— Тогда до завтра? — спрашивает Раймонд.

— До завтра, — кивает головой Сэм.

Они жмут друг другу руки и расходятся.

— Господи, что же она наделала?.. — я вдруг понял, что происходит сейчас в Нью-Йорке. — Что же она наделала?.. Что она наделала?..

Она играет с этими мужчинами. Просто забавляется, как кошка со стайкой серых мышат. Она вмешалась в их Судьбу от скуки, от безделья своей одинокой души. Без всякой цели или намерения.

Ей просто скучно жить. И вот она решила узнать, как эти люди будут реагировать на ее выходки. Она вошла в их жизнь лишь для того, чтобы развлечься... Но судьба человека священна...

Искушения бывают разными. Бывают, видимо, и такие. И вот эти двое — Сэм и Раймонд — не выдержали уготованного им испытания. Из обычных добропорядочных граждан они превратились в страшных, безумных монстров.

Сейчас два товарища стоят под окном третьего и обсуждают то, как они с ним расправятся. Причем эти двое понимают друг друга с полуслова. Словно речь идет об обычном для них занятии. Это чудовищно.

— Я больше не могу, — тихо говорит Андрей. — Это какой-то абсурд... Гаптен, я начинаю верить в эти твои «сгущения». По-настоящему! Они все сошли с ума. Честное слово! Я могу объяснить каждый их шаг, каждый поступок — причины, мотивации, обстоятельства. Но это по отдельности. А вместе... Вместе это какая-то адская машина! Запущенная одним единственным человеком... Разве такое может быть? И ради чего?..

— Послушайте, — бледный, уставший Гаптен смотрел на нас с Андреем поблекшими, словно остывшими глазами. — Я знаю, что Данила меня бы не одобрил. Но, все-таки, может быть, мы предпримем какие-то активные шаги?

— Что ты имеешь в виду? — не понял Андрей.

— Мы можем захватить любого из этих людей — Нину, Раймонда, Мартина, Сэма. Даже Клорис, если понадобится. Технически нет никаких препятствий. У нас здесь только моральные ограничения. Но ведь война — это война! И люди, которые оказались в зоне этого сгущения, они ведь не контролируют сами себя. Они невменяемы, правда! И Андрей правильно говорит — каждый из них по отдельности хороший и милый человек. С недостатками, может быть, со своими какими-то слабостями... Но разве они виноваты в том, что оказались в зоне сгущения?! Может быть, правильно все-таки их как-то... того... Вывести из зоны?

— Сгущение... — прошептал Андрей и с тяжелым сердцем посмотрел на Гаптена.

И я понял его.

— Гаптен, — сказал я, — ты послушай, что ты говоришь. И я, кстати, то же самое говорил про Данилу: захватить, чтобы уберечь. Это Тьма нас на это толкает. Мы испытываем панику, ищем спасения и, в результате, делаем как раз то, что Тьме и было от нас нужно! Вспомни, что Источник Света сказал Даниле на Байкале! Он сказал: «У Тьмы нет силы». Мы даем ей силы, Гаптен. И когда я сейчас смотрел на все это, я понял, в чем дело. Тьма пытается нас запутать, сбить с толку, запугать. И все это — лишь с одной-единственной целью: поставить нас на сторону Тьмы под видом борьбы за Свет!

— Да, да, — Гаптен обхватил руками голову. — Ты прав. Вы абсолютно правы. Это провокация. Господи! Но что же нам делать, Господи! Смотреть и ждать?! Смотреть и ждать?!

— Я думаю, — сказал Андрей, — проблема в том, что мы ищем внутреннюю логику этой Печати. Мы пытаемся понять ее рассудком. А она безрассудна. В ней нет никакой внутренней логики. Она захватила нас всех. Действительно, вы подумайте! Во-первых, что случилось с Данилой. Во-вторых, что предлагаем и обсуждаем мы с вами. В-третьих, что происходит там, в самом Нью-Йорке. Это какой-то ад! Здесь нет логики. Нет здравого смысла. Только, вот, одна проблема.

— Какая, Андрей? Ты понимаешь, какая?! — мы с Гаптенем буквально взмолились, надеясь услышать подсказку, которыми обычно так богаты рассказы Андрея.

Тьма пытается вас запутать, сбить с толку, запугать. Мы испытываем панику, ищем спасения и, в результате, делаем как раз то, что Тьме и было от нас нужно! И все это — лишь с одной-единственной целью, поставить нас на сторону Тьмы под видом борьбы за Свет!

— У нее должен быть мотив. Понимаете? Из-за чего-то же это все началось...

— Я должен попытаться войти в ее сновидение... — сказал я.

— Но это может быть опасно! — возразил Гаптен, он очень испугался. — Ниной овладевает Тьма! С каждой минутой! Анхель, ты собираешься войти в астральное поле сгущения Тьмы! Это может быть очень опасно!

— Гаптен, там Данила... И если я этого не сделаю... Я все понимаю. Ты прав. Но я должен.

— Спокойно ночи! Пусть тебе приснятся хорошие сны... — сказал Мартин и повернулся на другой бок, к стене.

— Спокойной ночи... — ответила Нина, глядя в потолок. — Только вот сны мне никогда не снятся. Никогда.

— Человеку всегда снятся сны, — Мартин звучно зевнул. — Просто некоторые люди их не помнят. Просто им снятся плохие сны, и они вытесняют их в бессознательное. Известный механизм. Спи. Хороших тебе снов.

Нина странно посмотрела на Мартина, на его голую, грузную спину. И снова подняла глаза к потолку. Он сказал ей, что у нее плохие сны? Это прозвучало так, будто бы она сама — плохая... Да как он посмел?! Кто — он? А кто — ОНА! Нет, Нина не любит его! Нет. Ей почудилось. Он отвратительный.

Нина закрыла глаза.

Она стоит по щиколотку в воде. Темно. Холодно. Ветра нет. Даже легкого дуновения. Никаких признаков жизни. Нина обернулась: сзади нее отвесный песчаный обрыв. Посмотрела перед собой — бескрайнее, необъятное море. Нина делает шаг вперед и оказывается уже не по щиколотку, а по колено в воде.

Нина идет дальше и постепенно начинает понимать, что это не вода. Это какая-то жижа. Что-то плотное, густое, маслянистое, абсолютно черное. Слово нефть. У Нины начинается паника. Она делает последний шаг и перестает ощущать под ногами почву. Пытается плыть, взмахивает руками, но тщетно. Топкая жижа тянет ее вниз.

Мгновение — и Нина идет ко дну. Бесконечное падение в пустоту. Она задыхается, заглатывает жижу. Гадкое чувство. У Нины начинается рвота. Ее выворачивает наизнанку. Она продолжает падать. Жгучее, мучительное чувство безысходности. Она скована по рукам и ногам, она тонет!

— Нина! — страшный, идущий из глубины Голос. — Нина!

— Да! Да! — пытается кричать Нина.

— Нина, ты в утробе мира! Не сопротивляйся! — требует Голос. — Ты маленькая девочка! Ты совсем маленькая! Ты помнишь, Нина?!

— Да, я помню! Я помню! — отвечает Нина, чувствуя, что с каждой секундой дышать становится все труднее и труднее.

Масса черной жижи растет над ней с каждой секундой и давит на грудь. Не продохнуть.

— Ты понимаешь, что тебя не любят, Нина? Ты для них «сложный ребенок». Они не хотели тебя, а теперь отвергают. Им плохо и тяжело жить. Они не хотели тебя. Ты «сложный ребенок». Они отвергают тебя, Нина! Они считают тебя «взбалмошной» и «капризной». Они думают только о себе. Ты помнишь?!

— Да, да! — Нина начинает плакать.

Она не хочет вспоминать родителей, детство. Теперь ее душат еще и слезы. Давление изнутри, давление снаружи. Еще мгновение — и она не выдержит... Это невыносимо!

— Тебя никто не любит, Нина! Ты никому не нужна!

Мощный, тяжелый, глубинный Голос сотрясает вокруг Нины массу черной жижи. Она слышит этот Голос своей кожей, телом. Он со всех сторон.

— Да, да! — Нина плачет, давится жижей, ей хочется умереть.

— Нина, но почему ты сама не любишь себя?! — голос вокруг становится зычным. — Тебя никто не любит, Нина! Но ты нуждаешься в любви! Так люби себя! Люби!

— Да, я буду... Я буду... — Нина продолжает давиться отвратительной черной массой.

— Нина, ты достойна любви! Это говорю тебе Я! — резонирует Голос.

— Да...

— Нина, те, кто не любит тебя, недостойны жизни!

В черной массе проявилось три мужских черепа.

— Да!

— Нина, ты все сделала правильно! Теперь они сами себя погубят! Они убьют друг друга! Это твоя месть, Нина!

— Да!

— Нина, люби себя! Не дай им сделать себя несчастной!

— Да! Да! Да!

— Помни: твои несчастья в твоём детстве! Помни! Ты любишь себя! Помни! Никто не причинит тебе вреда! Помни! Только твоя страна, твоё детство! Помни! Не подпускай к себе! Ты под моей защитой! Я спас тебя! Помни!

— Да, Катар! Да!

Нина вскакивает на постели и тут же, как подкошенная, падает на пол. Её выворачивает наизнанку. Лишь с третьим залпом зеленой, скверно пахнущей рвоты ей становится чуть-чуть легче.

— Да, да, да... — шепчут ее губы.

У меня тоже была рвота. Я задыхался. Мне казалось, что я никогда не избавлюсь от этого ужасного чувства липкой, маслянистой жижи с привкусом смерти на моих губах. Андрей и Гаптен были рядом. Они помогали мне как могли. С трудом я приходил в себя. Но чувства, что этот кошмар закончился, у меня не было.

— Анхель, у нас для тебя две новости, — сказал Гаптен, когда я начал понимать, что вокруг меня происходит. — Хорошая и плохая.

— Давайте с хорошей, — попросил я.

Горло саднило, словно кто-то взял слесарный ериш с металлической щетиной и отполировал его изнутри.

— Данила благополучно добрался до Нью-Йорка...

— Слава богу... — выдохнул я, ощутив небывалое облегчение. — А плохая?

— Катар тоже в Нью-Йорке...

И снова этот мерзвящий холод. И снова ощущение этой жижи. И снова невыносимая боль в груди...

— Свами переслал нам письмо, — тихо сказал Андрей. — От Данилы. Он написал его в самолете. На, прочти.

Он протянул мне факс. Я схватил этот лист и прижал к себе. Сил не было. Но это письмо возвращало меня к жизни.

«Вероятно, вы придете или уже пришли к выводу, что она эгоистка, — писал нам Данила в своем письме. — Правильно. Она думает только о себе. Вокруг нее нет живых людей, только куклы. Она не понимает, что им тоже больно. Она не знает, что счастье — это не когда тебе не больно, а когда ты кого-то защищаешь от боли. Да, она эгоистка. Это так. Это Вторая Печать. Это второй великий грех человека, после желания властвовать и подавлять.

Счастье — это не когда тебе не больно, а когда ты кого-то защищаешь от боли.

Но посмотрите шире — я ведь тоже эгоист. Ведь я хочу ее переделать. Я хочу переделать ее по своему образу и подобию. Чтобы она думала так, как я думаю, чувствовала то, что я чувствую, понимала жизнь так, как я ее понимаю. Да, я влюблен в нее. Но я люблю ее не такой, какая она. Я влюблен в ту, которой она могла бы быть. Я влюблен в ту, которая за ней. В ту,

которой нет. Как писал Андрей в своей книге: «Нет ничего по ту сторону, по ту сторону только та сторона».

И я не знаю, что мне делать. Я не знаю, как мне поступить. Отказаться от своей любви, потому что это грозит обернуться страшными несчастьями? Наверное, это правильно. Я попытался объяснить себе это. Я сказал себе, что я дурак и что любовь моя — бред и вымысел. Я объяснил себе все. Но я все равно еду. Я не знаю, зачем. Это шаг отчаяния. Шаг бессмысленный и безрассудный. Шаг, ведущий к еще большей боли и к еще более страшным последствиям.

Я словно наказываю себя. Наказываю — за свой эгоизм. Я хочу, чтобы она была другой — в этом мой эгоизм. Но она не будет другой — и в этом мое наказание. Я еду на свои похороны, друзья. Не сердчайте. Но мне просто надо ее увидеть. Мне это нужно. Вдруг я смогу ей все объяснить? Вдруг, увидев мои глаза, она изменится? Вдруг она увидит и поймет мою любовь? А после этого захочет жить. Жить, а не бегать от жизни, как она это делает? Вдруг?..

Умом я понимаю, что ничего этого не произойдет. Но что такое ум? Борьба реальности с чувством... Это вечная борьба. Вечная. Она не поймет меня. Я знаю это. И не услышит моего сердца, не почувствует моей любви... Хоть бы не делала вид, что понимает и слышит, чтобы не мучить меня и не дарить неоправданной надежды.

Ее никогда и никто не любил. Она боится, отчаянно боится. За всю свою жизнь она никому не позволила приблизиться к себе. Поэтому она и не знает себя. Ведь себя узнаешь, лишь пуская в свое сердце Другую. И у нее черное сердце. Она не позволяет себя любить. Это подлинный грех эгоизма. А я влюблен в чудовище. Я знаю это.

И еще я понимаю теперь, что любовь может быть не только благом, но и наказанием. Знаете, почему? Потому что люди разные. Есть те, для которых ты действительно существуешь, а есть те, кому на тебя было и всегда будет наплевать.

Мне жаль, что сейчас именно такой человек разлучает нас. Но это я виноват. Я виноват перед теми, кто меня по-настоящему любит. Это страшно. Но надеюсь, вы простите меня. И будете ждать. Дай Бог, пройдет и это несчастье...»

— Удалось установить связь через Нину! — Это известие эхом, из уст в уста, от человека к человеку, летело по коридорам аналитического центра Гаптена. — Удалось установить связь через Нину! Передайте! Скорее!

Андрей с Гаптеном подхватили меня под руки и понесли в центральный узел.

Двери лифта открылись. Пятьдесят седьмой этаж. Мартин попытался пропустить ее вперед. Но Нина отказалась. Она не хотела, чтобы он шел сзади. Пусть выйдет первым... Лучше его видеть. Он пугает Нину. Пугает с самого утра.

Мартин пожал плечами. Сейчас в его водянистых глазах читалось: «Дурная баба!»

А утром... Утром, когда она сказала ему, что из-за его «добрых пожеланий» ей приснился ужасный сон... И что, вероятно, они не были такими добрыми, раз это произошло... Он ответил, что это «ее проблемы», и с ним — с Мартином — это никак не связано! Этот монстр начал ее пугать. По-настоящему...

— А где Клорис? — спросил Мартин, заходя в студию.

Себя узнаешь,
лишь пуская в свое
сердце Другого.

— Отравилась анисовыми конфетами, — улыбнулся Сэм, одетый в женский костюм, достойный Марии Антуанетты, и направился прямо к Нине. — Но ведь это нас не смущает?

Его юбка шелестела во время движения. Яркое красное платье, отороченное черной тесьмой, открывало загорелую грудь.

Высокий парик на голове слегка раскачивался из стороны в сторону. Разноцветные ленты развивались на сквозняке.

— Предлагаю начать, — послышалось сбоку. — Сцена распятия. Графия рассказывает о Черной Мессе. Она богохульно изображает распятого Христа...

Вдали на диване сидел Раймонд. Он тоже был одет в костюм, но, видимо, служанки. Поверх черного платья белый кружевной передник. Чепец на голове...

— Так вот, представьте себе... — Сэм взял Нину под руку, декламируя монолог графини из пьесы Мисимы. — Меня, раздетую, уложили на стол... Да, мое обнаженное тело превратилось в алтарь для Черной Мессы... Меня, такую белую-белую, положили навзничь, поверх черного траурного полотнища... Я лежала, закрыв глаза, и представляла, насколько ослепительно-прекрасна моя нагота...

Нина испугалась. Так говорят только преступники.

— Отпусти, — шикнула она на Сэма.

— Разве этого нет в твоей «книге»? — рассмеялся Сэм. — Я думаю, там есть все!

Какой он ужасный! Ужасный! Не ожидала от него такой жестокости!

— Обычной женщине не дано знать, что это такое — видеть мир не глазами, а открытой кожей, — Раймонд, поднимаясь с дивана и разглядывая свой фартук, подхватил прервавшийся было монолог графини. — Мои груди и живот прикрыли маленькими салфетками... Ну, это ощущение вам знакомо... Помните холодную накрахмаленную простыню?.. А в ложбинку между грудей мне положили серебряное распятие... Мартин, ты к нам не присоединишься?.. Ну же!

— Нет, я не буду, — недовольно буркнул Мартин. — Где Клорис?

А он трус... Он настоящий трус...

— Ну, давай же, Мартин, — театрально взмолился Сэм. — Однажды озорной любовник... Давай!

— Однажды озорной любовник, — просипел Мартин и пошел к дивану, — когда мы отдыхали после утех, положил мне на грудь холодную грушу... Примерно такое же было чувство... На лоно мне поставили священную серебряную чашу... Это, пожалуй, несколько напоминало прикосновение ночной посуды из северского фарфора...

— Вообще-то все эти глупости не вызывали во мне такого уж святотатственного восторга... — продолжил Раймонд, словно желая унизить Мартина, но этим он унижал Нину! — Когда, знаете, вся дрожишь от наслаждения...

— Потом началась служба... Мне сунули в каждую руку по горящей свече... — Сэм вложил две свечи в руки Нине. — Пламя было где-то далеко-далеко... Я почти не чувствовала, как капает воск...

Нина раздраженно бросила свечи на пол:

— Я ненавижу вас! Как я вас всех ненавижу!

— Во времена Людовика Четырнадцатого на Черной Мессе, говорят, приносили в жертву настоящего младенца... — Сэм продолжал монолог графини, как ни в чем не бывало. — Но теперь и времена не те, да и месса уже не та. Пришлось довольствоваться ягненком...

Нина бросилась к двери.

— Заперто! — крикнул Сэм ей вдогонку и расхохотался. — Попалась, пташка!

Нина схватилась за ручку двери и дернула. Бесполезно. Действительно, заперто. Она оглянулась и увидела, что Сэм задумчиво раскачивает ключ, стоя у стеклянной стены. Сэм в женском платье XVIII века на фоне залитых солнцем небоскребов Манхеттена...

Он смеется над ней? Издевается! Нет, никто еще не мог устоять против ее напора. Она может контролировать любую ситуацию. Сэм решил ей отомстить? За свою слабость и несостоятельность?.. Хорошо! Сейчас она подойдет к нему и потребует отдать ключ.

Нина быстрым шагом пошла через всю студию к стеклянной стене. Ее колотило от ненависти, бешенства, ужаса и отвращения. Он испугается. Он сейчас испугается!

Она была на расстоянии двух-трех метров от Сэма, когда он оттянул юбку и изящным движением послал ключ себе в трусы. Нину затрясло от расправившего ее гнева.

— Священник пропел Христово имя... — издевательски заблеял Сэм, поочередно передразнивая всех персонажей рассказа графини. — Ягненок жалобно запищал где-то у меня над головой... А потом вдруг вскрикнул... Тонко и странно... И на меня хлынула кровь... Она была обильнее и горячее, чем пот самого страстного из любовников... Она заливала мне грудь, стекала по животу, наполняла чашу, что стояла на моем лоне...

Он смотрел Нине в глаза. И в них была ненависть. Он хочет унизить ее? Унизить?! За что?! За что он так ее ненавидит?! Что она ему сделала?! Что?!

Странное ощущение... На пике отчаяния Нина вдруг что-то почувствовала. Она посмотрела вниз, на улицу. И конечно, ничего не разглядела бы, но ее взгляд словно сделал какой-то «зум» — он увеличивал и увеличивал то, что происходило внизу.

Аллилуйя! Внизу стоит Катар! Ее Учитель! Он рядом! Он стоит на пересечении 13-й улицы и 2-й авеню Манхэттена. Закинул голову вверх и смотрит на нее, на Нину. Смотрит своими черными, своими огромными черными глазами! Сон! Сон этой ночью был вещим!

«Помни! Ты любишь себя! Помни! Никто не причинит тебе вреда! Помни! Ты под моей защитой! Я спас тебя! Помни!» — прозвучало в ее голове.

Нина развернулась. На ее лице дикая, безумная улыбка. Она почувствовала торжество. Да, сейчас все это закончится! Сейчас!

«Нина, те, кто не любит тебя, недостойны жизни!» — звучало в ее голове.

— До этого я пребывала в довольно игривом расположении духа, — Нина стала срывать с себя одежду, продолжая монолог графини. — Но здесь мою холодную душу впервые пронзила неистовая, обжигающая радость... До меня дошел вдруг смысл всей этой тайной церемонии...

Нина шла по студии, обнажаясь, сбрасывая с себя одежду. Да, сейчас она спровоцирует их, и они просто поубивают друг друга. Они же на самом деле влюблены в нее. Влюблены в нее, по уши! И они уничтожат друг друга!словно дикие зверьки! Все случится в точности, как задумано! Как в ее книге! Все правильно, реальности не существует! Все правильно! Есть только то, что придумывает она — Нина! Она гениальна! Да, она гениальна!

Нина подошла к Мартину, который сидел в этот момент на диване, и голая вскочила на него сверху, глядя на всех остальных — на Сэма, на Раймонда... Ну же, умрите от ревности! Тупоумные придурки!

— Кошунственность моей позы... — кричала она. — С широко раскинутыми руками... Дрожащий огонь свечей, истекающих горячим воском... Крест и гвозди распятия... Распятый Черный Христос! Я стала зеркальным отражением маркиза де Сада... Я разделила трепет его души... Когда на мое голое тело пролился кровавый дождь, я поняла, кто такой Альфонс... Он — это я!

Тут Нина совершенно случайно посмотрела на Мартина. Она хотела спровоцировать Сэма и Раймонда. Их тщедушное самолюбие. Но она случайно посмотрела на Мартина! Совершенно случайно! Этот жирный кретин глупо улыбался! Лыбился! Он так ничего и не понял! Он не понял, что она его презирает! Что он ничтожество! Он уверен, что она любит его! Она — Нина! Кретин! Она любит только себя!

Нина испугалась, дрогнула, соскочила с Мартина.

А Сэм, лучась удовольствием, начал аплодировать:

— Прекрасно, Нина! Прекрасно! А теперь давайте вот здесь, на фоне Манхэттена! Настоящая Вавилонская блудница на фоне Нового Вавилона!

Сэм показывал на стеклянную стену.

— Мартин, давай! Ты будешь нашим де Садом с Вавилонской блудницей! — закричал Раймонд,

И Мартин встал. Этот идиот встал! Он взял Нину и понес ее к окнам! Зачем?! Что происходит! Нина выбивается у него из рук. А ему забавно! Ему забавно! Он — кретин!

Нина начинает визжать. Сэм и Раймонд берут их в кольцо и почти придавливают к стеклу. Но тут вдруг Раймонд хватается Нину за руку и оттащивает в сторону, толкая на стекло Мартина. А Сэм не пускает Нину и кричит на Раймонда, чтобы тот не валял дурака. Что происходит?!

Неистовый стук в дверь.

— Откройте, полиция! Немедленно откройте! Полиция!

Через секунду дверь с треском вылетает и в комнате оказывается с десятков полицейских. Группа захвата.

— Всем лежать! — кричат люди в форме, показывая пистолетами на пол. — Лежать! Руки за голову! Лежать!

Раймонд, Сэм, Мартин в растерянности стелятся по полу. Нина сидит на корточках, бессильно закрывает куском материи свое обнаженное тело и плачет. У нее истерика. Этого нет в ее книге. Этого нет в ее книге! Этого нет! Нет! Нет! Нет!

Она оборачивается и смотрит в низ. Там Катар! Он смотрит на нее. Она видит! Она видит его глаза! Почему, Катар, почему?! Почему же я так несчастна, Катар?! Я же люблю себя! Я люблю! Люблю!

— Нина! Пустите меня к ней! Нина!

Нина в ужасе поворачивает голову в сторону двери. Русская речь... Она тронулась умом?.. Русский? Здесь? Этого не может быть...

«Никто не причинит тебе вреда! Помни! Только твоя страна, твое детство! Помни! Не подпускай к себе! Помни! — звучит в ее голове голос Катара. — *Только твоя страна!*»

В студию прорывается мужчина — красивый, голубоглазый. Такой, о котором она всегда боялась мечтать...

— Нина! — кричит он. — Ничего не бойся! Ничего не бойся! Я люблю тебя! Слышишь? Я люблю! люблю!..

Он кричит на русском языке.

Нина в ужасе поворачивается к окну и смотрит вниз.

«Катар, это мое счастье? Это он? Да?» — Она спрашивает у человека, стоящего в черной монашеской одежде на пересечении 13-й улицы и 2-й авеню Манхэттена.

Она спрашивает с мольбой и надеждой. Тепло касается ее сердца. Она спрашивает... Но человек в черном одеянии не отвечает. Он опускает голову и идет в сторону. Словно и не видел ее. Словно и не знал никогда. Просто прогуливался тут и разглядывал здания. А теперь, насмотревшись, пошел дальше.

— Катар! — кричит Нина и надавливает на стекло. — Почему?..

Стерженек выстреливает, окно поворачивается. Нина видит небо. Много неба.

Яркий солнечный день. Данила сидит на проезжей части, на пересечении 13-й улицы и 2-й авеню Манхэттена. Башни нью-йоркских небоскребов разрезают небо. Люди останавливаются по обе стороны улицы. Данила склонился над телом молодой красивой женщины и плачет. Машины аккуратно объезжают место трагедии. Он держит в руках ее голову и повторяет:

«Какая же ты... Господи, какая же ты...» Его голос теряется в городском шуме.

Эпилог

Странно... То, что мы считали самым большим несчастьем — влюбленность Данилы в Нину, — не позволило Тьме воплотиться. Воплощение остановлено, а тайна Второй Печати стала явной.

Сейчас я думаю, что все это время Данилу вела скрытая в нем тайная сила. Вела странным образом, вопреки логике и здравому смыслу. Вела сама по себе, вне наших разумных размышлений и доводов.

Данила сделал то, чего не ожидал сделать, и то, что был должен. Он остановил второго Всадника Тьмы. Но весь ужас случившегося в том, что он любил ее. Любил и пожертвовал ею. Пусть и не намерено... Но это так.

* * *

Свами привез Данилу обратно. Прямо к нам, в аналитический центр Гаптена. Мы поднялись из бункера и встречали их посреди огромного русского поля. Осеннего. Пожелтевшего. С пожухшей травой. Под низким серо-голубым небом.

Гаптен заметил огромную черную машину Свами, когда она казалась еще маленькой точкой, далеко-далеко на линии горизонта. Странно было видеть этот шикарный лимузин, несущийся по полю. Странно было думать, что внизу под нами огромная лаборатория, по сути — целый город, который день и ночь отслеживает состояние положительных и отрицательных энергий на земле.

Данила вышел из машины. Мы бросились ему навстречу.

— Данила, как ты? — кричал я.
 — Все в порядке? — беспокоился Гаптен.
 — Ничего, держишься? — спрашивал Андрей.

У Данилы грустные глаза. Он пожал нам руки. Чуть сдержанно, чуть официально. А потом... Потом мы обнялись.

Черное стекло заднего сидения лимузина плавно опустилось. Мы увидели Свами. Он был спокоен и серьезен:

— Я предупреждал вас, что борьба со Злом — это великий риск. Помните, что я говорил вам на Совете, когда мы встретились с вами впервые. Я говорил вам: не сопротивляйтесь Злу, только тогда Зло уйдет. Если вы наступаете, Зло обретает силу. Своими выпадами оно провоцирует вас, чтобы получить вашу силу.

Только невинные, неискушенные и наивные души думают, что Зло легко победить. Что достаточно сказать Ему «Нет!» и Оно уйдет. Это неправда. Этого не будет. Вы вступили на тропу войны, а любая война — это Зло. И поэтому от вас требуется теперь высшее мужество и вся сила Света, заключенного в ваших сердцах.

Если вы решились сказать Злу «Нет!», вы или должны быть Героями, или проиграете. Я не могу встать на вашу сторону, потому что борьба со Злом противоречит Закону Кармы. Но я болею за вас. И чем дальше, тем яснее я вижу в вас настоящих Героев. Будьте Ими, и вы победите. Не смейте отчаиваться.

Борьба со Злом — это великий риск. Если вы наступаете. Зло обретает силу. Своими выпадами, оно провоцирует вас, чтобы получить вашу силу. Вы вступили на тропу войны, а любая война — это Зло. И поэтому от вас требуется теперь высшее мужество, и вся сила Света, заключенного в ваших сердцах.

Скоро, я верю, вы будете знать, в чем истинные грехи человечества. Вы добудете тайну Печатей, как вы добыли Заветы Спасения. Быть может, Закон Кармы не столь абсолютен, как я думал всегда. Дай Бог, что я ошибаюсь, а вы — правы. Дай Бог!

Свами качнул головой, стекло плавно поехало вверх.
 — Спасибо, Свами! — крикнул Андрей.

Машина тронулась с места, развернулась и стала удаляться. И все как прежде — пожелтевшее, с пожухшей травой поле под низким серо-голубым небом. Осень. И словно ничего не было здесь, никакой встречи. И словно ничего там, под землей. Просто поле.